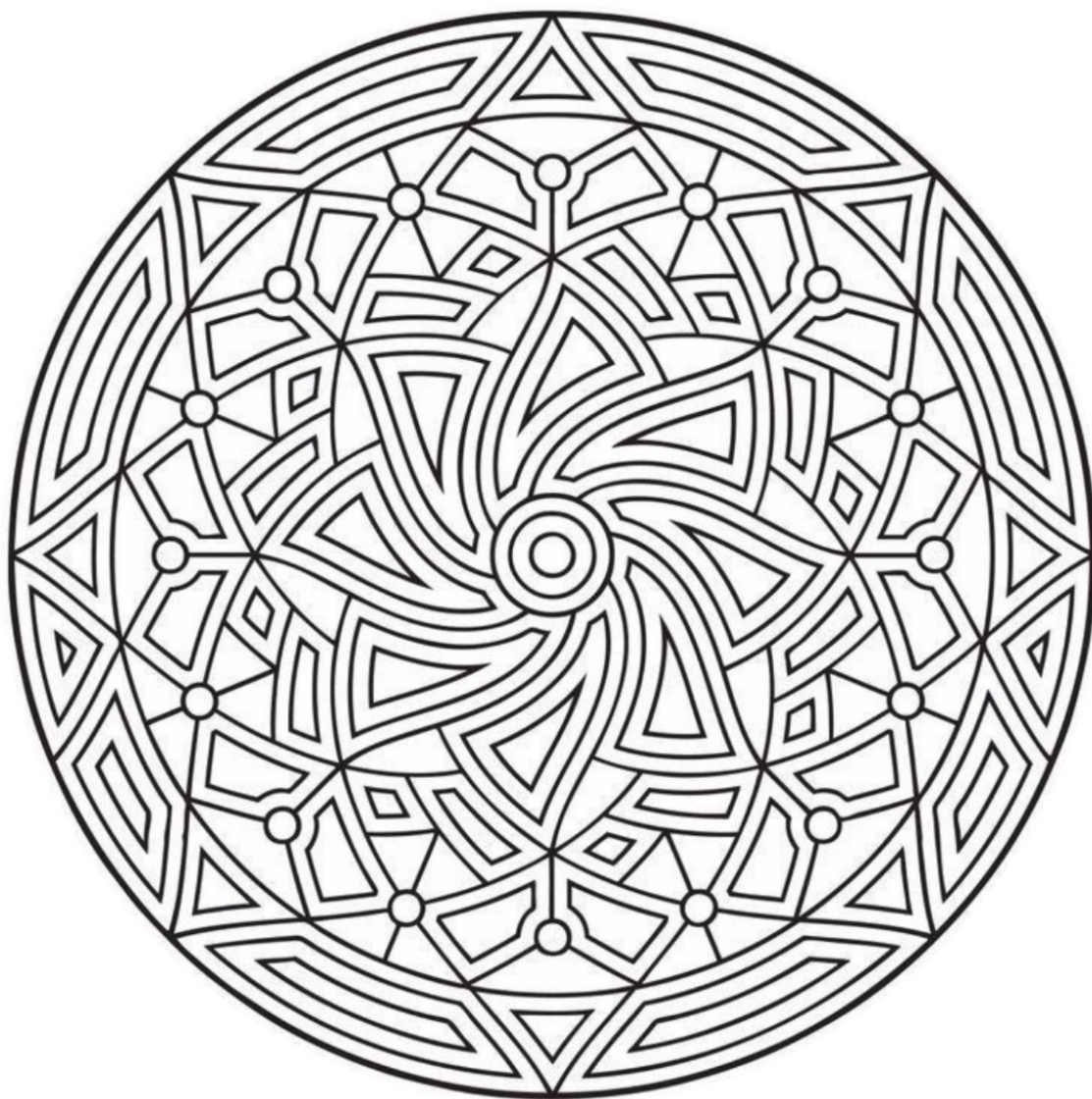

Александр Романчиков

Быть Героем

Александр Романчиков

Быть Героем

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Романчиков А. Н.

Быть Героем / А. Н. Романчиков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Продолжение книги "Стать Героем". Вторая часть является развитием событий, в которых вынужден принять участие главный герой. Сам не до конца понимая, чего именно он хочет добиться, герой ищет себя. Вряд ли он мог себе представить, какое влияние он способен оказать на тот мир, в котором оказался однажды лишь по воле случая.

© Романчиков А. Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	25
Глава 3.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Глава 1.

– Неужели совсем нет шансов? – сквозь слезы, едва не срываясь в рыдания, спросила женщина.

– Не расстраивайтесь, шансы всегда есть, – мягким баритоном успокаивал собеседницу мужчина, – многие люди лежат в коме годами и приходят в себя.

Судя по всхлипываниям, женщина не особо поверила доктору.

– Виктор Дмитриевич, неужели нет такого препарата, что мог бы помочь ему очнуться? – женщина подошла к больному, – Любые деньги, квартиру, дом, что угодно продадим, только бы все с ним было хорошо.

– К сожалению, нет, Лидия Петровна, – ответ был сказан осторожно, с некоторой паузой. – Сейчас его состояние стабильно. Все, что ему нужно, это время, остается только ждать. Берегите деньги, вы и так купили все, что могли.

Вялые мысли тягучей рекой текли в голове очнувшегося, глаза не желали открываться, а сознание не желало воспринимать реальность. «Кто я? Где...»: вопросы, лишь они появлялись в голове.

– Смотрите, доктор, – внезапно воскликнула женщина, – Он очнулся?!

– Успокойтесь, Лидия Петровна, – подбегая к больному, приговаривал врач, – Сейчас мы все проверим.

Больному насильно раскрыли глаза, поочередно светя в каждый маленьким фонариком. Зрение пыталось сфокусироваться на источнике света, глаза резало, слишком долго они были закрыты.

– Да, кажется, он пришел в себя, – сделал заключение Виктор Дмитриевич, врач из районной больницы.

На голову едва пришедшего в себя пациента упала теплая, соленая капля, а затем и шквал поцелуев материнских губ.

– Сыночек... – шептали они.

Резка Паша вспомнил все. Всё своё путешествие, от его начала и до его конца. Но сейчас он был дома, он узнал эту комнату. Это бы родительский дом в деревне, куда он так и не попал в тот вечер, когда гроза перебросила его в... Теперь Паша был не уверен, что его хоть куда-то перебрасывало, кроме как в обыкновенную кому. Теперь воспоминания, минуту назад такие живые и яркие, укрывались одеялом сновидений, превращаясь в плод фантазии пораженного комой мозга.

Паша попытался говорить, но у него вышло лишь чуть громче выдохнуть воздух. Каждая мышца его тела затекла и отказывалась повиноваться. Он чувствовал иглу в своей вене, должно быть это была капельница. Ему сильно досаждало это чувство, он не любил уколов с детства, а при виде игл его всегда передергивало.

– Выньте её, – еле слышно прошептал Паша.

– Что? – взволнованно переспросила женщина, – Что он говорит?

– Я тоже не расслышал, – ответил доктор.

– Выньте эту чертову иглу! – неожиданно громко и четко потребовал Паша.

– Какую иглу? – недоуменно пробормотала мать.

– Он говорит о капельнице, должно быть, – догадался доктор, – её нельзя вынимать, пока что.

– Я сам выну, – Паша почувствовал прилив сил и был уверен, что сам сейчас вынет иглу.

– Успокойтесь, молодой человек, не стоит тратить свои силы сейчас на подобное, вам ещё предстоит длительная реабилитация, – врач был спокоен и требовал такого же спокойствия от пациента.

Паша умолк, решив не тратить сил на споры. Глаза его уже четко различали комнату и её обстановку. Врач был мужчиной лет пятидесяти, с густыми черными усами, что так любили мужчины его поколения. Внешний вид его внушал доверие, однако Паша был не в том настроении, чтобы проникаться доверием хоть к кому-то.

Раздражала и зареванная мать, Паша скучал по ней там, но сейчас ей он был не так рад, как хотелось бы. Обстановка не располагала к радости, Пашу охватывало раздражение, он вовсе не чувствовал себя при смерти, что читалось в глазах матери. Он решительно не понимал, к чему такая суета вокруг его персоны, а это непонимание раздражало его еще больше.

Он, можно сказать, уже привык к подобным пробуждениям. Хотя теперь его гложил сомнения, было ли произошедшее с ним реальностью или же всего лишь игрой воспаленного воображения. Паша попытался пошевелить пальцами рук и ног, удалось ему это только с третьей попытки. Затем он смог пошевелить рукой, окончательно набравшись сил, он уже приготовился выдернуть досаждающую иглу, но его подхватило внезапно нагрянувшим потоком слабости и утащило в сон.

– Что? Он опять засыпает? – мать удивленно взглянула на врача, – Но зачем?

– Так нужно, – спокойно ответил доктор, вынимая шприц, – очнется он, не переживайте.

Очнулся Паша на рассвете. Робкие лучи солнца проникали в комнату, освещая ее мягким светом. Все та же капельница возвышалась над Пашей. Освещаемая утренним солнцем, она почему-то еще больше раздражала его. На этот раз он не стал терпеть неудобств, аккуратно вынув иглу из вены. Освобожденное от иглы отверстие принялось кровоточить, к счастью рядом на тумбочке имелась вата и бутылёк со спиртом, там же было пару шприцов и какие-то лекарства. Продезинфицировав ватку, Паша приложил ее к ране, согнув руку в локте.

Попытка сесть на кровати увенчалась успехом не с первого раза, но все же удалась. Его знобило, на нем был открытый больничный халат, который слабо грел его тело, доселе уютившееся под толстым одеялом. Сидеть и колотиться на кровати Паше не понравилось, он решил встать. Удалось это на удивление легко, по крайней мере, проще, чем ожидалось. В шкафу он нашел отцовские вещи, наскоро одевшись в спортивные штаны, футболку и свитер, Паша принялся искать хоть какую-то обувь. Нашлись лишь обыкновенные домашние тапочки.

Паша сам не знал почему, но что-то внутри говорило ему о необходимости покинуть этот дом и бежать без оглядки. Однако голод оказался сильнее этого желания, пришлось сначала посетить кухню. Прежде чем наброситься на пищу, он вспомнил, что, вероятно, давно ничего не ел и набивать желудок может быть опасно. Утолять голод пришлось жидким супом, который мама с самого детства заставляла кушать ежедневно, будто это и есть залог здоровья. Как бы то ни было, а сейчас живительная жижа действительно оказала благоприятное воздействие на организм: Паша согрелся и набрался сил. К тому же он предусмотрительно набрал в пакет съестных припасов, чтобы не голодать в случае чего.

В прихожей он отыскал отцовские ботинки, они были на размер больше, но все же лучше подходили для прогулок, чем мягкие домашние тапочки. Разве что обуть их пришлось на босую ногу, однако сейчас Паша не заботился о подобном.

На улице совсем рассвело, Паша тихо покинул двор, выйдя на деревенскую улицу. Свежий воздух ударил в нос, вскружив голову. Паша оперся на забор, чтобы переждать приступ слабости. Затем нагнулся и провел рукой по траве, и, набрав в руку росы, провел ею по лицу. Только сейчас он понял, что так и не видел себя в зеркале. Лицо покрывала борода, длиной с фалангу пальца, челка же начинала лезть в глаза. Видимо он провел в коме ровно столько, сколько длилось его путешествие по древнему миру. Странно, что заботливая мать не стала его брить и стричь, впрочем, Паша не был обижен. Пронзительно вскричал петух, в соседнем

дворе послышался скрип дверей, Паша решил не медлить и двинулся напрямик в лес, где и началось все его путешествие.

Какая-то смутно знакомая бабулька встретила его на пути. На Пашу она взглянула так, будто сам сатана поднялся из преисподней, и теперь бодро маршировал по сельской дорожке.

– Здравсте, – пробормотал Паша и побрел дальше.

Вместо ответа он услышал лишь приглушенное неразборчивое бормотание, а спину ему еще долго сверлил взгляд крестившейся бабульки.

Вскоре он добрался до леса, что-то вело его к тому самому месту, где он выключился, стукнувшись о злополучную ветку. Он не помнил дороги, да и не мог ее помнить, потому что дороги попросту не было, но был уверен, что идет в правильном направлении. Никакого удивления он не испытал, когда выбрался к тому самому дереву с низко висящей толстой веткой. Остановившись, он принялся осматривать почву вокруг дерева. Что именно он там искал, для него было загадкой, но Паша точно знал – нужно искать.

Около десяти минут он ползал по земле, вороша траву и прошлогоднюю листву, пока не нащупал пальцами знакомый камешек. Холодок камня от пальцев устремился к сердцу, а оттуда вместе с кровью прошелся по всему телу, вызвав мурашки по коже. В ладони лежал тот самый осколок, что Паша получил в дар от самого Перуна, если верить словам Еремея. Купленная на древнем рынке цепочка порвалась и сильно почернела, но все еще держалась в отверстии. Паша быстро спрятал осколок в карман, будто опасаясь, что его кто-то отберет. Больше ничто не держало его в лесу, но Паша не удержался от воплощения собственной мести. Он справил нужду под деревом, будто то было способно обидеться на сие действие. Паша же считал этот поступок значимым, а потому с некоторой долей надменности упрятал в штаны свое орудие возмездия и гордо, не оборачиваясь, ушел.

В животе жалобно заурчало, прогулка на свежем воздухе дала о себе знать. Сев на траву, Паша, нисколько не смущаясь, достал припасы из пакета и принялся утолять голод. Впрочем, рядом никого не было, но Паша как-то и не задумывался об этом. Прикончив второй завтрак, он решил осмотреть свое тело. Задубевших от занятий с оружием мозолей на руках не было. Не стало и начавших проклеиваться мускулов, к тому же Паша сильно исхудал, пока лежал на кровати.

Внезапно он почувствовал резь и жжение на груди. Как раз там, куда его, как казалось, совсем недавно ударил меч крылатого воина. Под майкой Паша обнаружил повязку, на которую до этого момента не обращал внимания, да и боли до этого он не чувствовал. Заглянуть под повязку Павел не отважился, и без того понимая, что под ней скрывается.

Теперь его мысли окончательно спутались. Был ли он там или это всего лишь стечение обстоятельств, о которых он пока ничего не знал? Паша чувствовал, что докопаться до истины будет очень трудно, еще труднее будет заставить хоть кого-то поверить, что подобное перемещение между мирами вообще возможно.

Приняв решение вернуться домой, Паша встал и поплелся обратно в деревню, все-таки сейчас ему была нужна помощь. Было примерно шесть часов утра, когда он наконец-то дотопал до калитки родительского дома. По пути ему встречались знакомые и не очень люди, но все они, как один, смотрели на Пашу с непонятным удивлением, будто тот восстал из мертвых. Заговорить с ним никто не пытался, впрочем, и Паша не был настроен тратить время на разговоры с сельчанами.

Как только он вошел в дом, зареванная мать тут же бросилась к нему толи с расспросами, толи с обвинениями. Стоило немалых усилий убедить ее, что все в порядке и нет нужды постоянно плакать. Мать успокоилась, и Паша отвел ее в комнату.

От нее ему удалось узнать, что же все-таки случилось. Оказалось, что его нашли в лесу на следующий день после той грозы. Дядька Матвей, заядлый грибник, пошел в лес за сморчками. Гриб, что он обнаружил, оказался человеком с распоротой грудью и разбитой головой, а при

детальном рассмотрении этой диковинной находки, удалось установить, что это не кто иной, как Павел, сын Лидии Петровны и Валерия Михайловича Коробовых. Пришлось находке еще полежать на сырой земле, скорая к этому месту приехала совсем нескоро. Однако до больницы Пашу довели все-таки живым, но с большой потерей крови. Там он и впал в кому. Через два месяца мать настояла на том, чтобы сына перевезли в родной дом. Для этого предприимчивая мать быстро продала квартиру в городе, не слушая увещаний отца, и на вырученные деньги наняла опытного доктора и установила дома аппарат жизнеобеспечения. Впрочем, сын очнулся на второй день, после переезда в родные Пенаты. А вот Паша, пожалуй, предпочел бы очнуться в больнице, но с квартирой, чем дома и с дорогим аппаратом, который к тому же был взят в аренду, и продать его не представлялось возможности. Деньги, конечно, остались, но судя по настроениям матери, Павел их не увидит. К тому же мать искренне полагала, что именно квартира виной всему произошедшему. А избавившись от нее, она избавилась и от проблем.

– А папа где? – спросил Паша.

– Так он опять на работу устроился теперь, в городе, – ответила мать, – вечером приедет, выходные же... Он там общежитие получил, помнишь дядю Сашу, вот, это он его устроил, помог.

– Ясно, – Паша встал и прошелся по комнате, – доктора я надеюсь тут больше не увидеть.

– Почему? – удивленно спросила мать.

– Потому что, – случай с капельницей очень разозлил Павла, ему казалось, что при встрече он обязательно полезет в драку с доктором.

– Но он же тебе жизнь спас! – недоумевала мать.

– За это ему спасибо, – бросил Паша, – но видеть я его не желаю.

Через три дня Паша заявил, что реабилитация, которую назначил неустрашимый врач, окончена, и он будет искать работу. Через того же дядю Сашу, Павел устроился на завод электромонтером.

Все это время Паша неустанно думал, пытаясь отыскать те грани, которые отделяли его от безумия. Он не решался рассказать кому-либо о том, что он видел в коме. Природу его шрама на груди, который уже зажил, установить не удалось. Стражи правопорядка не находили никаких разумных объяснений, кроме обвинений в сторону дядьки Матвея, который, должно быть, обезумел, а потому принялся резать туповатым ножом грудь найденного им Паши. Однако сам грибник клялся, что Павла он не резал, и тот уже истекал кровью, когда был найден. Подтверждали это и врачи, к тому же такое ранение нанести грибным ножом было практически невозможно, так что версия следствия критики не терпела. Пашу вызывали для дачи показаний, когда ему надоело повторять одно и то же, он убедительно попросил стражей порядка дело закрыть. В конечном итоге его послушали, наверно, даже с радостью, избавляясь от «висяка».

Жить дома Паша не желал, выбил себе место в общежитии, ему сильно повезло, комната для двоих досталась ему одному. Комендант, сердобольная женщина в предпенсионном возрасте, прониклась историей о крайней некоммуникабельности Павла, осмыслению Пашиных слов помогла бутылочка вина и коробка конфет, правда, она обещала подселить человека к Павлу «в случае чего». В отличие от отца на выходные в деревню сын приезжал редко. Он предпочитал тратить свободное время на физические тренировки и чтение книг по истории. И то и другое было занятием трудным, мать и доктор чуть ли не привязывали его к кровати. Книжки же не давали никаких подтверждений тому, что Паша видел своими глазами.

Сумбур последних дней чуть не довел Павла до нервного срыва, окружающие то и дело твердили ему, что он сильно поменялся, стал странным. Друзья постепенно отворачивались от него, ведь у него и не было друзей, только собутельники, а пить Паша отказывался. Большую часть времени он проводил в уединении. Он завел несколько тетрадей, одну из них он

оформил, как свою книгу магии. Туда он внес алфавит, заклинания и обряды, какие помнил, в другие вносил знания о существах и известных чародеях, которых помнил из книг, прочитанных в коме.

Однажды утром, по пути на работу, его глаза выхватили из толпы двух бородатых мужчин, явно отличавшихся от остальных прохожих. Невольно Паша прислушался к их разговору:

– Сегодня в шесть собираемся, – говорил тот, что был повыше, – мне в прошлый раз Андрюха щит поломал, так махал. Зря ты не пришел.

– Да я же говорю, не получалось, – оправдывался другой, пониже, в черной кожаной куртке, – Света истерику закатила, ПМС у нее, понимаешь ли!

– Да плюнь ты на нее, Серега, – хлопнув по плечу собеседника, воскликнул первый, – Вы же не женаты, зачем мучиться? А если она тебя окольцует, что тогда делать станешь?

– Легко говорить про «плюнь», но не все так просто, – вздохнув, ответил второй, – За квартиру платить легче, да и люблю я ее, наверно...

– Вот именно, что «наверно», – мужчина почему-то оглянулся на Павла, а затем вновь заговорил с Сергеем – Сегодня хоть приди, работы еще много у нас, сам знаешь.

– Знаю...

Пашу заинтересовало начало разговора, он знал, что в городе где-то должен был быть клуб, в котором собирались любители средневековья. Там они собирались, видимо, мастера оружие того периода, попутно сражаясь им же. И скорее всего, эти двое были как раз из числа участников этого клуба, а потому Паша намеревался с ними заговорить.

– Мужики, стойте! – окликнул он бородачей.

Двое остановились и с интересом уставились на Павла.

– Мужики, я слышал, есть в городе такое место, где мечом помахать можно, – заговорил Паша, – Мне показалось, что вы знаете, где это место.

– Хех, знаем, – усмехнулся первый, – А ты что? Тоже хочешь?

– Да, есть такое желание.

– Ну, тогда приходи. Посмотрим, что можно будет придумать, – с этими словами он достал кошелек, а из него визитку, – Вот, возьми, там и телефон, и адрес. Сегодня к шести сможешь?

Паша забрал бумажку, аккуратно уложив ее в карман, и утвердительно кивнул. На этом они распрощались, все-таки ему нужно было спешить на работу, как, впрочем, и новым знакомым.

До этого дня Паша прожил обычной, если так можно было сказать, жизнью уже два месяца. Тело не только восстановилось, но и приблизилось к тому уровню, которого Паша достиг в своем путешествии. Не удивительно, ведь он ежедневно и самоотверженно предавался физическим занятиям. Мозг, в отличие от тела приходил в себя гораздо медленнее. Если вчера он мог быть уверен, что виденное в коме не более чем бессознательный бред, то на завтра эта уверенность исчезала, сменяясь обратной. Паша всерьез начинал считать себя сумасшедшим, он тайком пытался сварить эликсиры и отвары, которым его обучал Еремей. Самым страшным было то, что большая часть из них работала.

Доставать ингредиенты для своих опытов было трудно, а главное не дешево. Почти всю заработную плату он тратил на них, остатки денег он делил на части. Часть оставлял на скудное питание, часть отдавал матери, а также откладывал деньги в собственный накопительный фонд. Пить и курить Паша бросил, так что денег на его неприхотливую жизнь было нужно гораздо меньше, чем ранее.

Весь рабочий день он думал о предстоящем походе по адресу. Оказалось, что клуб собирався в частном секторе на окраине города. В том направлении город отчего-то не расширялся, там было немало совсем заброшенных домов, зачастую стоящих по соседству с добротным коттеджем местной знати.

Закончив рабочий день в половине пятого, Павел наскоро перекусил в своем общежитии, благо до него от завода было всего десять минут пешего пути. С собой он решил взять блокнот и сумку со спортивной одеждой, ничего другого в голову не лезло.

Прибыв в нужный район, Паша стал блуждать в поисках нужного дома. Пришлось спрашивать у прохожих, оказалось, большинство местных знали это место и охотно подсказывали дорогу.

Двухэтажный бревенчатый дом, отдаленно напоминавший виденные в Княжестве, заметно отличался от рядом стоящих. На часах была всего половина шестого, а из двора уже доносились голоса. Видимо, там что-то устанавливали. Паша сразу узнал голос встреченного утром высокого мужчины в спортивных штанах с ухоженной, каштанового цвета бородой. Сам Паша так и не брился с момента пробуждения, так что и сам мог похвастать длинной бородкой.

– Левее его воткни, чтобы параллельно встали, ну же! – кричал Пашин знакомый.

Паша никак не мог решиться подойти к калитке и постучать. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, пытаясь понять, откуда в нем такой страх и нерешительность. Он собирался было уйти, но калитка распахнулась сама. Оттуда вышел второй парень, по имени Сергей, с ним было еще двое незнакомцев.

– О, ты пришел? – заметив Пашу, задал вопрос с очевидным ответом Сергей, – Проходи, я отведу тебя к нашему, так сказать, главарю.

Паша молча подошел и пожал протянутую руку Сергея, остальные двое приветливо улыбались, закуривая сигареты, и гость почувствовал себя спокойнее и увереннее.

– Пойдем, раз так, – Паша шагнул в дверной проем вслед за Сергеем, который так и не закурил.

Во дворе Паша насчитал около двенадцати человек, все они трудились над установкой какого-то деревянного сооружения, вроде ринга, окруженного столбиками. Окидывая двор беглым взглядом, Паша успел заметить и несколько чучел, столбов и других тренировочных установок, к которым он привык.

Было странно вновь попасть в схожую с той обстановку. Вспомнилась Любава. Любовь к ней угасала, так как ее Паше было приятнее считать выдумкой, что сильно помогало.

Глава всего этого собрания находился в доме. Вытерев ноги о половичок, Сергей и Павел вошли внутрь. Если снаружи дом был сложен из бревен и не лишен атрибутики «устаревшей» архитектуры, внутри «под старину» был разве что табурет в прихожей. Дубовый паркет, плазменный телевизор во всю стену, кожаные диваны. Очевидно, владелец этого помещения имел стабильный, а главное высокий, доход. Все это произвело на Павла двойное впечатление, с одной стороны, это никак не соответствовало его представлениям о том, как должно выглядеть логово людей меча и копья, а с другой стороны Паша давно не видел таких домов, и богатство радовало глаз.

– Дима, вот тут человек хочет к нам присоединиться, – входя в личный кабинет предводителя, обратился к человеку у окна Сергей.

Человек, пребывавший в тумане раздумий, следил за работой своих подопечных и не сразу отреагировал на вошедших. Лишь спустя несколько секунд он вздрогнул, словно пробудившись от долгого сна, и обернулся.

Аккуратная, черная как смоль, борода сразу же бросилась Павлу в глаза, такую же он видел на Гордоборе. В целом, Дмитрий произвел впечатление серьезного, самодостаточного человека. Ростом он был чуть ниже Паши, но смотреть он умел так, будто смотрит свысока.

– Это хорошо, – сказал он Сергею, затем подошел к Паше и протянул ему руку, – Дима.

– Паша, – представился тот, пожимая руку.

– Раньше занимался подобным? Свое снаряжение имеется? – тут же спросил Дима.

– Нет, я в этом деле совсем новичок, – улыбнулся Паша, – но готов учиться.

Он решил, во что бы то ни стало, сберечь свою тайну о том, что видел в коме.

– Ну, это не страшно, главное желание, – он обернулся к Сергею, – Все хорошо, покажи тут ему все, расскажи, что и как.

– Хорошо, – ответил Сергей, кивнув.

Паше показалось, будто эти двое что-то скрывают от него, но не придал этому никакого значения. Сергей повел его в раздевалку, чтобы тот облачился в сменную одежду, а заодно ему показали, где туалет и душ. Последний, к слову, был предназначен для шести человек, которые могли бы мыться одновременно, что совсем смутило Павла. Когда он переоделся, Сергей вывел его на улицу и показал площадки для тренировок, которые еще не были готовы до конца.

– Мы всего-то пару недель назад здесь собрались, а уже все знают. Кроме тебя уже пятеро новеньких пришло, – рассказывал Сергей, – Дима нехило поднялся, домину себе отбахал, вот. Мы давно уже общаемся, с института. Посидели, подумали, и решили устроить собственный клуб. Раньше мы так занимались, не серьезно. А сейчас вот, всего хватает.

Нить повествования постоянно скакала от одного к другому и Паша пытался выловить полезную для себя информацию из того сумбура, что ему предлагал Сергей.

Дима, как оказалось, не всегда был богатым, с Сергеем они познакомились в студенческие годы, когда оба были богаты лишь мечтами и планами. Всего их костяк насчитывал семь человек, в основном все они были друзьями со времен института, кроме одного, который при-
мкнул лишь год назад.

Все вместе они не только отдыхали, но и занимались спортом, посещая залы восточных единоборств. И вот, в один прекрасный момент они решили организовать собственный зал на базе нового дома Димы.

– Так, тут у нас мастерская и кузня, – указывая на небольшое деревянное сооружение, объяснял Сергей, – Там гараж еще, вон банька наша, сами строили, да и все, пожалуй.

Кроме площадок для тренировок имелаась и беседка для отдыха, рядом с ней стоял мангал. Беседка размеры имела внушительные, ее опорные балки были украшены резными рельефами с изображениями мифических персонажей и природы.

После ознакомления с местными достопримечательностями настало время познакомиться и с компанией. Запомнить всех по именам с первого раза, Паша, естественно, не смог, но выяснил, кто относится к основной компании, а кто новичок. Если Дима был лидером, то правой его рукой был Леша, тот самый обладатель зычного голоса, которого Паша видел утром вместе с Сергеем. Остальные ребята неохотно, но подчинялись его командам, хоть они и были друзьями, но вот работали они как коллеги, где Алексей выступал в роли прораба.

Паша, как новый член команды, был тут же приставлен к работе. Вооружившись лопатой, он стал копать ямки под столбы для ограды ристалища, в котором планировалось устраивать групповые сражения. Когда все устали, а устали все быстро, так как рабочая неделя была в разгаре, и в компании был всего один студент, который не гнул спину на работе, было решено передохнуть в беседке. Заодно и познакомиться ближе, узнать распорядок и планы клуба.

Плавный разговор перешел на виды оружия эпох вплоть до средневековья, о том, как его изготовить здесь, в кузне, или же купить у мастеров. В этих разговорах особого участия Паша не принимал, хоть и имел кое-какие знания и соображения на этот счет. Для себя он извлек лишь одно, денег на приобретение качественного снаряжения древнего воина ему понадобится немало. Завод ему столько дать бы не смог, и Паша отвлеченно размышлял о способах заработка.

Внезапно компания разразилась диким хохотом, чтобы не отличаться, Паша тоже принялся рассеянно улыбаться, силясь понять, в чем же дело. Оказалось, что низкий, но коренастый парень по имени Саша в очередной раз подшутил над Сергеем по поводу его взаимоотношений с противоположным полом. Паша заметил, что это болезненная для Сергея тема, и шутят над ним постоянно.

К концу дня, когда вечер взял землю в свои сумеречные объятия, Паша уже смог запомнить почти всех своих новых товарищей, и даже выделил у них наиболее очевидные черты характера. Жилистый Саша постоянно шутил и улыбался, беззаботно относясь к жизни, и, казалось, даже к окружающим его людям. Крикливый Леша, именуемый всеми «Бугор» постоянно угрожал всем физической расправой в случае неповиновения, угроз своих он не выполнял, скорее все его «поломаю» были не более чем фразами паразитами, но командовать он любил, любил и хвастать силой, которая у него все-таки была в достатке. Паше он не понравился, слишком задиристым он казался. Вторым, таким же неприятным, Паше показался и Кирилл. В отличие от первого он выхвалялся силой явно ему не присущей, как, наверно, и умениями, которыми не обладал. Ко всему прочему этот долговязый хвостун постоянно кланчил сигареты у тихого парня, по имени Никита. Про последнего сказать было нечего, казалось, будто он вообще не умеет говорить ничего, кроме односложных ответов на адресованные ему вопросы. Впрочем, в своей любви к молчанию он был не один, вторым молчуном был Андрей. О нем говорили, как о непобедимом бойце, чье мастерство граничит с легендарным. В стенах этого клуба ему не было равных, даже Дима, который занимался единоборствами со школьных лет, не мог одолеть Андрея. Сергей же больше всех понравился Паше, наверно потому, что он был слаб духом, и Паша подсознательно почувствовал в нем если не друга, то и не соперника. В конечном итоге, ничего плохого в том, что Сергей зависим от девушек, Павел не видел. Кроме вышеперечисленных в костяк входил и Артем, к нему относились, как к секс-символу, впрочем, вполне заслуженно, выглядел он как один из тех красавчиков с обложки, казалось, любая дамочка просто обязана возжелать его внимания. Что же до его боевых качеств, пожалуй, природа обошлась лишь одним даром.

Остальные, как понял Павел, сами были новичками. Они с интересом слушали разговоры сведущих в тематике средневековья, и только один из них, парень по имени Вася, постоянно лез в разговор. Вероятно, родился и вырос он в деревне, это было слышно по характерному говору. Нес он полнейшую чушь, абсолютно не соответствующую реальности, к тому же пытался шутить, в основном шутки были не смешные, был смешон скорее их источник. Но Вася был рад, что люди смеются, и смеялся сам. Относились к нему снисходительно, все-таки он был работающим и безобидным.

В ходе разговора было решено встречаться три раза в неделю, по вторникам, четвергам, и в субботу. Решили они скинуться всем вместе и на тренировочный инвентарь, который планировалось закупить, а не мастерить все самим, к тому же были нужны материалы для кузни. Большую часть нужных вложений планировал внести Дима, но и другие не пожалели оставаться не у дел, даже Паша, пришедший сюда всего раз. Отчего-то ему казалось, что в этой компании он задержится надолго. Впрочем, никто не требовал от него больших сумм, Паша отдал свою часть тут же. Были и те, кто не так искренне желал расстаться со своими деньгами, так, Кирилл тут же принялся одалживать деньги у Никиты, ссылаясь на больную мать и нелегкую жизнь. После сбора денег вечер стал плавно передавать права ночи, которая грозила похитить небесное светило в ближайшем будущем, сменив его на тусклую луну. Было решено разойтись по домам.

Паша вернулся в общежитие и предался усиленным размышлениям о способах добычи денег. К тому же из его головы все не выходила мысль о сильной схожести бороды Димы и Гордолюбя, сына деревенского старосты, однажды предавшего отца и односельчан. Такая же черная, матовая, без единого клочка хоть сколько-то отличного по цвету волоса. Самое странное в этой бороде было то, что она будто поглощала солнечный свет, не отражая ни единого лучика. А это бросалось в глаза, хоть и не сразу. В конечном итоге он просто заснул, так и не придя к однозначным выводам.

Утром, придя на работу, Паша обнаружил, что его мастер страдает жутким похмельем и чуть ли не умирает прямо на рабочем месте от сильной головной боли. Пронести на завод

спиртное для «опохмела» не было сложной задачей, но вот денег у местных мужчин не было, зарплату обещали выдать только завтра. Паше стукнула в голову мысль. Он всегда носил с собой порцию отвара от похмелья, так как сам снимал им головную боль. Через уговоры и недоверие Паше удалось влить зелье в Василия Петровича и тот, с минуту кривясь и плюясь, вдруг понял, что похмелья у него больше нет.

Дальше Паше пришлось долго выдумывать, где же он раздобыл такое средство. Во время этих объяснений в голову ему пришла еще одна мысль: «Их же можно продавать. И продавать недешево». Он тут же заявил, что никакого другого поставщика, кроме него самого не существует, и что сегодня был демонстрационный показ действенности зелья, а дальше его можно будет приобрести только за деньги. Паша сразу же оговорился, что может найти и другие эликсиры, даже для повышения мужской силы.

Эти заявления вызвали живой интерес у работников, и Паша даже получил первые заказы, пока что по льготным ценам. Паша еще не был уверен полностью в успехе своей задумки, к тому же не все зелья работали, так как многие из них требовали сложных наговоров, которые у него не выходили. А потому вынужден был предоставлять льготы, однако так, чтобы не уйти в минус.

С работы он вернулся возбужденным. Свою лабораторию он оборудовал в деревне, в доме родителей, и сейчас он торопился побыстрее собраться в путь.

Этот пятничный вечер он провел в своей комнатенке, в компании ступок и трав. Комнатку он себе оборудовал на чердаке, чтобы его никто не отвлекал. Для этого пришлось произвести кое-какой ремонт, к тому же обезопасить себя усиленной дверью с большим навесным замком. Впрочем, после нескольких неудачных попыток мать перестала пытаться узнать, чем занимается ее сын, а отец изначально был к этому равнодушен. Чердак был достаточно просторным, так что Паша оборудовал себе и мастерскую, и даже успел изготовить несколько деревянных макетов мечей и щитов. Их он собирался отвезти в клуб, который общим советом было решено назвать «Богатырь».

Практически всю ночь Паша корпел над зельями, ему удалось получить четыре порции противопохмельного отвара, еще две порции противопростудного зелья, а так же ободряющий настой, который гарантировал отсутствие сонливости не менее десяти часов. На другое у него не хватало ни ингредиентов, ни времени, но первое он планировал приобрести на вырученные деньги.

Выспаться не удалось, ведь пришлось ехать обратно в город, в «Богатырь».

На этот раз они проводили занятие по всем правилам. Началось все с разминки и физических упражнений, Паша их выдержал, хоть и не без труда, а вот другие новички повесили язык через плечо уже после километровой пробежки по частному сектору. В качестве тренеров попеременно выступали Дима и Андрей, иногда их подменял и особенно крикливый Алексей. Сегодня они изучали стойку с оружием, все вооружились мечами и щитами из дерева. Вернее все, кому хватило, остальные довольствовались обыкновенными палками, которые едва ли были слегка отесаны обычными ножами. Паша тут же вызвался наделать оружия, как только услышал, что его собираются закупать. Услуги свои, естественно, предлагал он не бесплатно. Все согласились, так как продемонстрированные Павлом экземпляры были вполне пригодны для тренировок, и Пашин труд стоил куда меньше, чем мастеров со стороны.

На занятии Павел постоянно ловил себя на мысли, что ничего принципиально нового ему почерпнуть не удастся, ребят обучали тому же, чему учил Павла Белогор. Было не так просто притворяться полным профаном, так как Паша успел разработать свое тело почти до того уровня, который оно имело в его фантазиях из комы. Теперь он нет-нет, да и забывался, размахивая мечом.

Конечно, мастером он не был, но в сравнение с другими новичками он был просто богом сражений. Паша постоянно ловил себя на мысли, что очень горд этим фактом, его так и тянуло

показать свое умение, но он сдерживался. Если кто-то и заметил, что Паша держит в руках не просто палку и не просто держит, то эти наблюдения были отнесены к понятливости и легкой обучаемости.

После тренировки компания решила выпить пива, все-таки был выходной, и не все стремились поскорее увидеть своих жен, а то и пустую, холостяцкую квартиру. Не остался только Паша, у него были другие дела в городе, к тому же он полностью отказался от алкоголя. Не остался и Сергей, он, пожалуй, был единственным, кто очень спешил попасть домой, к своей гражданской супруге.

В ближайшей аптеке Паша купил некоторые необходимые ингредиенты. Сироп, содержащий экстракты ромашки и мяты. Искать эти растения в первозданном виде было некогда, а купить уже засушенными тоже не выходило, приходилось использовать их в аптечном варианте. К слову, все работало и с этим сиропом, чему Паша был скорее рад, чем удивлен. После Паша посетил маленький рынок, перед самым его закрытием. Многие торговцы уже прятали свои товары, и Паша без особой надежды бродил по пустующим рядам. Он было собрался и вовсе покинуть рынок, но его взгляд наткнулся на бабушку с весьма интересным товаром. Она торговала банными принадлежностями, солями для ванн и прочим, к чему обычный покупатель вряд ли бы стал приглядываться. Зато Паша пригляделся и был удивлен: среди товаров было много нужного именно для его алхимической деятельности. В какой-то момент Павел поймал себя на мысли, что бабуля является ведуньей и тут у нее знахарская лавка.

Потратив почти все свои деньги, Паша решил поинтересоваться, откуда у бабушки именно такой набор товаров и где она его берет. Все-таки не каждый торговец отважится торговать сушеными лягушками и прочими подобными товарами.

– Как откуда? – бабушка хитро улыбнулась, глядя на Пашу, – Сама все собираю, сама засушиваю, сама готовлю. А тебе, милоч, это все зачем?

Пашу одолела уверенность, что она прекрасно знает ответ на этот вопрос. Его хватил легкий испуг.

– Да так, – Паша замялся, – Для бани, в деревне...

– Для баньки, да? Баня, это хорошо, – торговка сделала вид, будто поверила, – Ты на следующей неделе приходи, я тебе для бани еще кое-чего достану, может и заинтересуешься.

– Хорошо.

Паша медленно развернулся и ушел. Слишком уж лукаво улыбалась бабулька, слишком много у нее было нужных товаров. Успокоиться удалось лишь выйдя за пределы рынка. Паша решил, что даже если его догадки верны, то ничего плохого в этом нет, а наоборот, старушка могла стать не только отличным поставщиком, но и советчиком.

Эту ночь он вновь провел на чердаке. Превозмогая усталость он смог получить еще несколько порций различных зелий, включая коронное, повышающее мужскую силу. Оставалось лишь надеяться, что все они будут работать, так как проверить их на себе он не мог, так как многих недугов у него попросту не было.

Однако в понедельник, с самого утра, едва он пришел на работу, к нему выстроилась очередь из заказчиков. Паша сам не ожидал, что слава о единственном успешном применении его зелья так быстро разлетится по заводу, однако был рад, что так получилось. Оставалось лишь подтвердить те слухи, что успели разойтись. Распродав все, что он принес с собой, Паша получил новые заказы, теперь уже не предоставляя никаких льгот.

Очередная тренировка в «Богатыре» во вторник прошла в несколько ином ключе. Компания большую часть времени провела в разговорах и обсуждении планов по дальнейшему развитию клуба. Дима сказал, что набирать больше людей пока не планируется, так как места во дворе его дома хоть и много, но не хватит для целой толпы, а организовать сработанную команду для выступлений на турнирах любителей средневековой реконструкции можно и из уже набравшихся тринадцати человек.

К тому же опять зашли разговоры о сборе денег и личных вложениях каждого. В качестве кузнецов готовы были выступить Леша, Никита и Саша, остальные никаких навыков в этом деле не имели. Кроме Паши, который обещал принять участие и оказать посильную помощь в создании вооружения клуба. Собрать деньги собирались уже к следующему вторнику, в частности планировалось закупить кольчуги, так как изготовить их на месте было бы весьма проблематично. Стоила каждая из них весьма приличную сумму, потратить которую был готов не каждый. Но тут в разговор вмешался Леша:

– Так давайте вообще все купим! – развел он руками, – В чем тогда интерес? Не за тем ли мы собрались, чтобы самим все и делать? Вот и давайте делать, колея нагнем, не такая уж и трудная это задача. Посидим подольше и все сделаем. Да и не обязательно же именно кольчуги, есть и другие виды защиты. Закупать нужно только материалы, где-то вскладчину, где-то по личному желанию. Вот, предположим, я захочу кольчугу, а Павел кирасу. Вот я себе куплю проволоки, а он железа листового. Так будет справедливее.

Все одобрили его слова, так как с деньгами в больших объемах прощаться никто не желал, легче было принести из дома материалы, какие найдутся и закупить недостающее у каких-то своих, проверенных поставщиков Димы по сниженным ценам. К тому же никто не торопился облачиться в кольчуги уже на следующей неделе, все были готовы ждать и довольствоваться тем, что уже имелось.

Сами тренировки проходили спокойно и как-то непривычно для Паши, без синяков и ссадин, без перенапряжения и измотанного тела. К тому же в доме имелась тренажерная комната, развивать все группы мышц было проще, чем в деревне, где аналоги профессиональных спортивных снарядов зачастую не давали нужного эффекта.

Явными лидерами в плане мастерства боя были Андрей и Дима, они нередко показывали свое мастерство в коротких спаррингах. Паша внимательно следил за их движениями, и с непонятным чувством страха узнавал в них тренирующихся сотников и умелых дружинников. Теперь Паша был уверен, что в коме он изучал реально действующую тактику боя холодным оружием.

Новая волна замешательства нахлынула на него, пока он ехал в автобусе. Чем же были видения в коме? Реальностью или просто сном?

Ведь многим вещам он нашел объяснения, в конечном итоге СМИ пестрят рассказами о людях, которые, выйдя из комы, начинали рисовать, писать или делать что-то еще, чего никогда не умели. Этим Паша объяснил зельеварение, ведь оно состояло не столько из магии, сколько из обыкновенной химии, и то, что некоторые зелья не работают без наговора, могло быть следствием не отсутствия самого наговора, а неудачной химической формулы, пропорций ингредиентов.

Осколок и шрам Паша объяснил примерно так же, мало ли что с ним могло произойти, пока он лежал в лесу, а красивый камушек с узором, это то последнее, что мог запечатлеть его мозг перед ударом, а при пробуждении подсознание выдало установку его найти. Ведь не известно, сколько он там лежал, этот осколок, и от чего откололся в свое время.

Туда же он отнес и знание приемов боя с мечом. Мозг мог переформировать когда-либо прочитанное и увиденное, и, будучи воспаленным комой, переформировать все это в определенное знание, якобы полученное от Белогора, еще одного плода воображения.

Паша одновременно хотел и не хотел верить в такую версию. Он понял, что ему теперь невыносимо скучно жить в этом мире. Ведь там, в коме, он чувствовал себя свободным, соблюдая обязательства данные им самим, а не кем-то за него. Там он впервые сильно полюбил, пусть и неудачно. Там он чувствовал себя воином, пусть и самым слабым, но воином.

А здесь он электромонтер. Люди видят в нем электромонтера, который откуда-то берет чудодейственные настойки и ходит в клуб «Богатырь». Мало ли у кого какие странности и

увлечения, бывают вещи и удивительнее. И ничего особенного в такой жизни не было, как и ничего интересного, за редкими исключениями.

Впрочем, у этого мира были, конечно, и плюсы. Наверно. Паша видел эти плюсы надуманными, простой привычкой. Использование телефона, тостера с микроволновой печью – это привычка. Если отобрать все это у человека, ему станет плохо. Но если у человека этого не было вовсе, он не был бы несчастен, общаясь вживую или подогревая пищу на огне. А может и был бы. Паша не находил веских оправданий своей тяге вернуться туда.

Так он, неделя за неделей, тренировался в «Богатыре» и с немалым успехом продавал зелья. Круг потребителей заметно расширился и Паша начал побаиваться, как бы не привлечь лишнего внимания.

Бабушку на рынке звали Зинаида Ивановна, она с удовольствием доставала для Паши любые товары, не задавая вопросов. Ее не интересовало, зачем ему может быть нужно крыло стрекозы или корень мандрагоры. Она лишь раз спросила, не знает ли Паша человека по имени Велимудр. Паша не знал такого и лишь отрицательно помотал головой.

– Нет, а что такое?

– Ничего, милоч, – бабушка укладывала пучок травы в бумажную обертку, – Просто так спросила, думала, что ты у него учился.

– Чему учился? – Паша больше чем сыграл удивление, действительно удивился, – Вы о чем?

Зинаида Ивановна лишь хитро улыбнулась, пока что не собираясь раскалывать Павла.

Впрочем, рассекречивание произошло само собой уже через неделю. Один из Пашиных клиентов покупал у знахарки веники для бани.

– О, Пашка, привет! – заметив зельеварителя, любитель бани и мощной эрекции протянул руку, – А ты тут какими судьбами, тоже баньку любишь?

– Привет... – Паша замялся, – Да так, кой-чего купить надо.

Зинаида Ивановна копалась в своем товаре, но было очевидно, что она внимательно слушает разговор.

– Слушай, Пашка, а когда ты этого сможешь достать... Ну, ты понял, – собеседник выразительно кивнул, – А то жена, выходные, детей к теще, годовщина у нас. В общем, надо помощь твоя.

– Завтра устроит? – Паша не мог делать вид, будто не понимает, чего от него требуют. Все-таки ничего конкретного дядька Юра и не говорил.

– Да, устроит, – Юрий положил руку Павлу на плечо, – А цена та же, или темпы инфляции ее изменили?

– Как обычно, пока ничего не поменялось – Паша улыбнулся.

– Тогда договорились.

Они пожали руки, и Юрий, забрав товар, ушел прочь.

– Ты зря так просто продаешь, в открытую, – вкрадчиво заговорила Зинаида, – Побоялся бы.

– А чего бояться? – Паша действительно не знал, чего именно бояться, хоть и старался вести дела аккуратно.

– Экий ты простой. Налоговой бы побоялся, – Зинаида принялась копаться в своей просторной сумке, – Вот, на.

В Пашину ладонь лег маленький окуляр из мутного стекла в деревянной оправе мутного цвета.

– Что это? – Паша искренне не понимал, как этот глазок спасет его от налоговой, или вообще от чего-либо.

– О-о-о, слушай, – бабушка Зина показалась Паше чересчур возбужденной, – Записывай адрес, придешь ко мне вечером в понедельник, там все расскажу. А то совсем ты ничего не знаешь.

Паша достал блокнотик и под диктовку записал адрес. К бабушке он привык, и прийти к ней домой не боялся. Тем более его заинтересовало ее поведение, вероятно, ей было что ему рассказать, что-то очень важное для него.

Распрощавшись с торговкой, Паша быстрым шагом пошел к остановке. В эту субботу его ждала новая тренировка. К этому дню он уже успел восстановить уровень умения до того, которым обладал перед путешествием к Замку. К тому же успел хорошо раззнакомиться со всеми ребятами из клуба, особенно близко он общался с Димой и чутким романтиком Сергеем. Неплохие отношения он поддерживал и с Никитой, впрочем, с ним никто не имел конфликтов. Даже Кирилл, который мог угрожать физической расправой всем без исключения, а уже через минуту кланчить сигарету или же спокойно разговаривать на отдаленные темы.

Постепенно клуб вооружался, Паша купил себе меч, по весу и длине практически идентичный тому, которым он обладал, пребывая в коме. Так же он смастерил себе щит, не без помощи Никиты, конечно. Широкий, круглый, с о стальной окантовкой и такой же стальной тарелкой в центре, от которой к краям расходилось двенадцать симметрично расположенных лучей. Такой щит называли нордическим или скандинавским. А вот с доспехом дела обстояли куда хуже. Паша лично гнул кольца из купленной проволоки, но вот качественно плести кольчугу получалось только у Леши, который делать это бесплатно, естественно, не собирался. Хоть Паша и зарабатывал на продаже зелий, однако эти деньги не могли покрыть всех его расходов, а ведь ему пришлось купить себе новый телефон и ноутбук, кое-что из одежды и прочие предметы, иногда не первой необходимости. Так что на кольчугу, а Паша хотел именно кольчугу, ему казалось, что кираса будет стеснять его движения, ему еще нужно было копить. К тому же защитное снаряжение не состоит из одной кольчуги, нужен был и шлем, и поножи, и сапоги.

С момента Пашиного пробуждения прошло уже три месяца, он почти пришел в себя и смирился с тем, что все, что он видел в коме, всего лишь игра разума. Поэтому, в этот вечерний час, он шел к бабушке Зине, ожидая услышать что-нибудь о конкурентах или чем-то подобном, что он не предусмотрел ранее.

Зинаида Ивановна жила почти в том же районе, что и стоял клуб «Богатырь», поэтому Паша сразу решил зайти в клуб, провести Диму, а заодно и свой доспех, который Леша все-таки согласился начать делать, в кредит.

Калитка была закрыта, на звонок никто не отвечал. Паша решил, что Леша, который жил в последнее время тут, сидит в мастерской и не слышит, а Дима, возможно, уехал по делам. Недолго думая, Паша перемахнул через забор, как это уже не единожды делал. Двор пустовал.

Паша прошелся до мастерской, там тоже никого не было, но дверь в дом была открыта и Паша вошел. Судя по приглушенным звукам разговора, Дима находился в своем кабинете.

– Он еще не готов... Я не могу этого гарантировать, но мне кажется, что он неприкастен. Я перелопатил всю информацию о нем, он не покидал города, ну никак он не мог иметь контакта с кем-либо из них... Да, да, я знаю, мне кажется он не сам их делает, кто-то ему их поставляет... Да, понял, будем следить... До связи, – Дима разговаривал по телефону.

Паша привык, что глава клуба постоянно неразлучен с мобильным телефоном, все-таки у него был свой бизнес. Этот разговор не показался ему каким-то подозрительным или необычным, но что-то в сердце екнуло. Сам не понимая зачем, он тихо прокрался обратно к выходу и незаметно покинул стены клуба. Испытывая двойные чувства, он брел по адресу Зинаиды. Уже улегшиеся подозрения разыгрались с новой силой, Паша осознавал, что мир вокруг совсем не так прост, как ему казалось когда-то, и что его путешествия были не простой игрой воображения.

« Может быть, все не закончилось, а только начинается?»: Паша очень хотел верить в то, что привычная ему с детства реальность лишь иллюзия, созданная для простого обывателя, а реальность куда загадочнее и интереснее, чем кажется людям.

С такими мыслями он добрел до дома торговки. Понурая, старенькая избушка, которая стояла, казалось бы, со времен революции, и была обителью Зинаиды Ивановны. Двор зарос кустарником, деревьями и прочей растительностью, за ним явно некому было ухаживать, а может и незачем.

Калитка истошно заскрипела и по уже наезженной траектории прошуршала по земле, упершись в земляную горку. Паша кое-как протиснулся внутрь и пошел по протоптанной тропинке ко входу в дом.

– Вот и мой гость, – на пороге появилась хозяйка, – Проходи.

Низко пригнувшись, Паша вошел в дом. Он обтер ноги о вязаный половик и прошел за хозяйкой. Внутри было темно, он будто бы вновь погрузился в атмосферу своего путешествия. Пучки трав по стенам, печь, в которой что-то готовилось, старинные столы и лавки из толстых досок, все это напоминало ему дом Еремея. К тому же Паша обратил внимание на отсутствие икон, обыкновенно в подобных домах им отводился целый угол, здесь же подобного не было. А ведь у бабушки Мани, соседки Пашиной матери, в доме были чуть ли не обои из икон. Впрочем, это не помогало бабе Мане быть добрее и счастливее.

– Ты голоден? – засуетилась бабушка Зина, – По глазам вижу, что голодный.

Она усадила его на лавку за стол, и уже через минуту Паша сербал наваристый борщ, закусил он его жареной картошкой со шкварками. Наевшись до отвала, Паша уже не совсем понимал, пришел он вести разговоры или кушать.

– А теперь и поговорить можно, – бабушка сели напротив Паши.

На столе красовался самовар, чашки и пирожки с повидлом.

– Так ты говоришь, Велимудр тебе не знаком? –начала допрос бабуля.

– Нет, не знаком.

– И кто же тебя научил варить?

– Что варить? – Паша не планировал сдаваться сразу.

– Так. Не надо пытаться меня обмануть, сам обманутым останешься, – знахарка сделала вид, что начинает раздражаться, – Давай, лучше, говори все как есть.

– Его звали Еремей, – Паша быстро сдался, врать расхотелось, казалось, Зинаида знает все заранее.

– Хм... И где он живет, я не знаю такого... – Зинаида выглядела озадаченной.

– Я сам не знаю, где это было, – заговорил Паша, – Я недавно очнулся из комы. Пролежал я чуть больше двух месяцев, там у меня были видения, в которых старик по имени Еремей учил меня готовить зелья и прочее... А потом я проснулся и стал их делать. Как оказалось, они работают.

Паша сильно сократил историю, но знахарка не стала требовать подробностей:

– Будем считать, что так оно и было, – после минутного молчания заговорила хозяйка дома, – Не хочешь всего рассказывать, не надо. Тогда перейдем сразу к делу, раз твой учитель был столь опрометчив...

Зинаида Ивановна взглянула на Пашу, пытаясь понять, с чего бы начать свой рассказ, а что Паше уже может быть известно.

– Начнем сначала, – бабуля отставила чашку, – В мире есть немало людей, которые способны сварить зелье, но не каждому это позволено, не каждый вынесет за это ответственность. Слишком уж давно истребили почти всех чародеев и всех, кто им был подобен, кто остался, тот прячется, прячется так, чтобы его не нашел даже солнечный свет. В любой момент ты можешь быть схвачен.

– Кем? – не выдержал Паша, – Полно всяких народных целителей, экстрасенсов, медиумов и прочих. Все они спокойно работают, некоторые даже на камеру. И получают за это деньги. Неплохие деньги. Так кем я могу быть схвачен?

– Охотники, ловцы, прислужники... Называй их как хочешь, – бабуля отстраненно смотрела в потолок, будто не замечая Пашиной нервозности, – Это не важно. Важно то, что никакое проявление силы не может быть использовано самостоятельно, вне храма или без Его разрешения.

– Кого Его? – Паша повторил местоимение, подражая интонации знахарки, которая выделила это слово так, будто Паша должен был понять, о ком идет речь.

– Экий ты несмышленный, – вздохнула бабуля, – И жаль тебя, и самой страшно.

Видом своим она показывала, что Паша просто обязан знать и понимать, о чем она говорит, будто каждый встречный является экспертом в подобном, и только он, Паша, остается полным профаном в этом вопросе. Это сильно раздражало Пашу, потому что он действительно не понимал, что мелет эта бабка и что мешает ей просто продавать ему свои товары, или, на худой конец, рассказать прямо о препятствиях, которые могут подстергать непросвещенного зельеварителя.

– Почему всем можно варить и продавать что угодно, а мне нельзя? Кто меня может словить? Налоговая? Так это любому грозит, про них я и так знаю, – Паша говорил повышенным тоном, – Чего мне бояться, неужели трудно прямо сказать?

Вдруг Зинаида резко приблизилась к Павлу, будто стараясь принюхаться к нему, Паша был сбит с толку этим действием, и лишь ошарашено разглядывал собеседницу.

– Чую я на тебе запах метки, – проворчала она, – Но не твой он. Я так и думала, что тебя уже нашли.

– Кто нашел?

– За тобой кто-нибудь следил на улице?

– Нет, кому это может быть нужно?

– Точно никто? – Зинаида Ивановна выглядела встревоженной.

– Да точно, точно никто не следил!

– Может в последнее время у тебя появились новые друзья? – Зинаида Ивановна опустила руки под стол, – С черной бородой или белыми, как снег, глазами яблоками?

– Эмм, ну... Есть один с черной бородой, но мало ли их таких бородатых? Весь Китай с черной бородой, – Паша пытался сопротивляться сам себе, – Что от меня нужно вообще, что вы рассказать-то хотели?

Пронзительным взглядом Зинаида впиалась в Пашины глаза, будто стремясь пробраться через них в его душу, в его суть. Он взгляда не выдержал и отвернулся в сторону.

– Все, – бабушка резко встала, проявляя неожиданную резкость движений, – Больше мне не о чем с тобой говорить. Либо ты поймешь все сам, либо...

Тут она осеклась, однако Паша и сам чувствовал некое напряжение, ему хотелось поскорее покинуть стены этого дома, он уже не хотел слушать рассказов очевидно выжившей из ума старухи, которая неспособна ни на что, кроме идиотских загадок. Так он объяснил ее поведение.

– Хорошо, – Паша тоже встал и двинулся к выходу, – благодарю за обед.

Бросив это, он уже почти вышел, но хозяйка его остановила:

– Стой. Тот окуляр, что я тебе дала. Посмотри через него на своих друзей. Только будь осторожен.

Сказав это, она махнула рукой, недвусмысленно предлагая покинуть ее дом. Паша повиновался, быстрым шагом он покинул помещение.

Он ехал домой и раздумывал над своим поведением, наверно он был чрезмерно горяч и чем-то обидел торговку. Других объяснений резким переменам в ее поведении он не находил.

Тогда он достал окуляр, который ему достался от Зинаиды. Украдкой он пытался разглядывать через него людей, но они ничуть не менялись, абсолютно никакого эффекта окуляр не имел. Более того, он даже не увеличивал изображение, хоть и казался выпуклым. Паша хмыкнул и спрятал его обратно в карман, решив, что вещь, быть может, дельная, и он просто не умеет ею пользоваться.

Скользя взглядом по людям, Паша пытался угадать, чем они занимаются, что из себя представляют. Его внимание привлекла женщина, одета она была неброско, скорее всего с рыночных лотков. На ее коленях, как вечное напоминание, сидел ребенок, мирно копошась в собственной курточке. Женщина явно была матерью-одиночкой, и явно не из тех, что любят и ценят свое чадо выше жизни. Выставляя напоказ безымянный палец, он разговаривала по телефону, видимо, со своей матерью.

– Я его к тебе привезу, – оповестила она родителя.

Вряд ли ей было больше двадцати пяти, а она уже походила на уставшего от жизни человека, ранние морщинки, вздутые вены на руках. Тех самых руках, которыми она то и дела осыпала тумаками своего ребенка. Без причины. Просто так. Наверно, нервы. Наверно, он виновен, в том что родился, а потому не плакал, будто и сам осознав эту вину.

По соседству сидели две умудренные жизненным опытом особы. Усадив свои грузные тела на отвоеванные у прочих пассажиров сидения, они громогласно несли свою мудрость в массы, ничуть не стесняясь в выражениях. Досталось немного мудрости и матери, едва ли не разгорелась словесная перепалка.

«Отчего они становятся такими? Утраченная молодость, отсутствие самореализации и утерянные возможности? Так и чему тогда их поучения, если они сами никто? Или они учат своим ошибкам, своим примером показывают то, к чему желательно не приходить? Почему же тоном победителя?»: эти вопросы не требовали ответов, они и были ответом.

Эти две кладези мудрости сильно раздражали Пашу, куда сильнее, чем притаившаяся в углу «птица мира». Впрочем, притаиться у него вышло плохо, его присутствие выдавал запах. Он смердел собственным дерьмом, годовалой коркой немытой грязи и перегаром. Паша даже не знал, сочувствовать ему, ненавидеть или завидовать. Жизнь бомжа проста, наверно, проще только у дождевых червей. К тому же, они свободны. Свободны от благ, свободны от наших свобод выбора. Свободны от мнения общественности. Но не от чувства голода.

Немного поразмыслив, Паша пришел к выводу, что такая свобода ему не близка, а бомж все-таки слишком вонял, чтобы ему завидовать.

Люди ехали по делам, или просто, чтобы куда-то ехать, салон казался Паше наполненным их чувствами, мыслями, переживаниями. Все они слились для него в одну большую кучу, будто единый организм. Он почувствовал испуг рядом стоящей девушки. Он тонкой иглой пронзил его сердце, будто это ему было чего бояться. Сразу же вслед за ощущением девушка заговорила в телефон:

– С каким Лешей ты меня видел?

«Понятно...»: Паша почему-то даже не сомневался, что разговор идет об измене, но вот странному ощущению чужого страха он удивился. Не успел он отойти от первого удивления, как его сменило новое.

Паша встряхнул головой, чтобы прогнать наваждение, слишком уж непривычными были ощущения. Странное чувство единения тут же покинуло его, и он устало плюхнулся на свободное сидение. Уставившись в окно, он вдруг поймал себя на мысли, что хотел бы повторить недавно испытанные чувства, но сделать этого не удавалось.

Приехав домой, он почувствовал себя невероятно уставшим и сразу же лег в кровать, едва успев раздеться и подготовить себя ко сну. «Нужно обязательно помириться с Зинаидой Ивановной. Но завтра»: подумал он, улегшись в кровать. Еще некоторое время он вспоминал все произошедшее с ним. Снова вспомнились Любава и Ян. Паша даже не знал, живы ли

они. «Наверно, нет. Ведь этого всего и не было, наверно...»: мысли стали смешиваться, мир вокруг будто потух. Внезапно, из глубин сознания появилось некое необъяснимое ощущение, а перед глазами проявились сотни белых точек, соединенных между собой тонкими линиями, это напоминало картинки из учебников, будто перед ним была структура материала в большом увеличении. Все органы чувств, вплоть до обоняния поддались этому странному ощущению. Паша будто мог коснуться этой странной субстанции, она же в свою очередь то расширялась, заполняя собой все мыслимые границы пространства, то сжималась до размеров неосязаемой молекулы, становясь будто ничем, пустотой, но осязаемой пустотой. Тело Павла оставалось неподвижным, он точно знал, что ощущение пропадет, если он шелохнется. Казалось, будто из этой материи можно было сделать что угодно, и Павел делал, мысленно мастерил из нее миры и простейшие частицы. Гадая, откуда взялась эта субстанция и что это за странные ощущения, Паша уснул.

С утра Паша предупредил мастера, что несколько задержится, и придет на работу позже обычного. Он спешил скорее навестить Зинаиду Ивановну. Однако на рынке он ее не застал, чем был сильно огорчен. Старая торговка была ему нужна не только как советчик, но и как поставщик, все-таки заниматься собирательством самому у него не было ни времени, ни желания.

Бабушки на рынке не было и в следующие дни. Ее рабочее место пустовало несколько недель, продавцы с соседних мест сказали Паше, что знахарка больше здесь не торгует, так как не стала продлевать аренду торгового места, а все свои вещи увезла.

Паше оставалось лишь одно, заявиться к ней домой. На его удивление и дома старушки не было. Не было совсем, дом пустовал. Паше удалось узнать, что в ускоренном темпе Зинаида Ивановна съехала. Уезжала так, будто кто-то ее мог тут найти, будто дом ее полыхал ярким пламенем.

– И куда она на старости лет? – сама себе задавала вопрос соседка, женщина лет сорока, полная до безобразия, с лоснящимися от жира щеками, лицо ее было обезображено бороздами, оставшимися то ли от оспы, то ли от прыщевой сыпи, – Ну нет у нее никого, ни сына, ни внука, ни брата, ни свата. Одна она жила, травки свои все сушила да грязь всякую в дом носила, как больная. Мы пару раз всерьез планировали на нее санитаров вызывать, чтобы забрали. Бывало, бегала тут, возле костра, духов каких-то зазывала, мракобесие разводила, одним словом. Теперь вот слиняла. А тебе зачем?

– Да так, – Пашу этот вопрос застал врасплох, – Веники для бани у нее хорошие были.

– Ясно, – соседка подперла бока руками, – А я уж подумала ты из этих, часто к ней приходили, все варили там что-то, палили да вопили, как резаные.

– Нет, нет, – Паша поспешил ретироваться, разговор с этой женщиной не доставлял ему удовольствия, – Всего доброго.

Не обращая внимания на ее подозрительный взгляд, Паша развернулся и ушел. «И где ее теперь искать?»: думал Паша, бредя в сторону клуба «Богатырь». Окуляр, подаренный Зинаидой, по-прежнему был бесполезным, Паша уже не раз украдкой разглядывал через него Диму и остальных, но ничего в их облике не менялось.

Впрочем, не менялись и отношения в коллективе, Паша продолжал спокойно тренировать свое мастерство и даже получал от Димы деньги и право пользоваться всемирной паутиной с клубного компьютера. У Паши был доступ в сеть, но в общежитии выход в интернет был крайне нестабильным и низкоскоростным, так что данная привилегия Пашу весьма радовала. Деньги же он получал за участие в изготовлении снаряжения и посильную помощь клубу во всех его начинаниях.

Сегодняшняя тренировка ничем не отличалась от предыдущих, ребята практиковались с оружием, теперь уже с металлическим, с особой, затупленной заточкой.

Паша, как один из сильнейших во всем клубе, должен был выступить против Андрея. Сам Паша практически не брал в руки другого оружия, кроме щита и меча, изредка практикуясь только с копьем, еще реже с луком. Андрей же владел, казалось, любым, из имеющихся у клуба, орудием убийства.

В этот раз он вооружился кистенем и маленьким щитком, около тридцати сантиметров диаметром. Боевая часть кистеня была облегчена, шипы на ней были деревянными и закругленными, так, чтобы не ранить человека. Кроме основного оружия на поясе Андрея болталась и легкая сабля. Облачен он был лишь в поддоспешник. Это облегчало его движения, но попадание меча могло сильно навредить ему. Однако попаданий он не боялся.

Внутри своеобразного ринга размерами около восьми квадратных метров Паше предстояло сойтись с признанным лидером клуба, но страха Паша не испытывал. И вовсе не из-за того, что бой тренировочный и потерять в нем жизни крайне затруднительно, а потому что Паша стал уверенней. Проигрывать он научился с честью, как подобает мужчине, а не мальчику.

Да и проигрывать он не собирался, его тяжелый полный доспех позволил бы ему принять удары кистеня грудью или даже спиной, не опасаясь зачтения ранения. Главной задачей была защита головы, рук и ног, а в этом должен был помочь широкий круглый щит. Если же сам Паша зацепит Андрея, то тот, кроме синяка, получит еще и засчитанное поражение.

В качестве судий выступал Алексей и Дима, их задача заключалась в том, чтобы проследить за соблюдением правил поединка, а так же вовремя остановить оный, в случае травмы спарингующихся или же победы одного из них. Как только соперники ударяли друг друга, фиксировалось ранение различной степени тяжести, вплоть до смертельного, хоть реальных повреждений могло и не быть. Конечно, система оставляла желать лучшего, многое зависело от объективности судей, но Пашу устраивала и такая приближенность к реальному поединку. Впрочем, случались и реальные травмы, так как бились в клубе в полную силу, щадя соперника лишь тогда, когда он того требовал. Паше везло, а вот некоторые товарищи в подобных спаррингах получали переломы, такое положение вещей, к слову, отпугивало новичков, но Дима был этому рад, ссылаясь на то, что людей клубу достаточно. Порой заходили разговоры о каких-то соревнованиях и фестивалях, но все то, что Павел видел в интернете, разительно отличалось от того, к чему, казалось, Дима хотел подготовить свою команду.

И вот Андрей и Паша сошлись. Павел резко ушел в сторону, предвидя удар в голову, Андрей, однако, лишь замахнулся, но бить не стал, будто проверяя Пашины готовности. Не мешкая, Паша наотмашь, целясь в область правого бедра, отправил свой меч. Андрей легко отпрыгнул, Пашу чуть увело вслед за мечом, по инерции. Чтобы не раскрыться полностью, подставляя спину, Паша прыгнул и перекатился, таким образом, он оказался на два метра левее Андрея. Вскочив на ноги, Паша понял, что быстро устанет, растрачивая силы на подобные пируэты, в то время как Андрей еще и не начинал биться.

Тогда Павел решил уйти в глухую оборону, полагаясь на свой доспех и щит, рано или поздно, но Андрей должен ошибиться. По крайней мере, на это надеялся Паша. Долго себя ждать противник не заставил, уже через миг Паша ловил щитом боек кистеня, раз за разом, все пятась и пятась. Рука под щитом гудела, удары, пусть и облегченного, кистеня выходили мощными. Пашино дыхание участилось и с каждым ударом сбивалось еще больше, Паша вяло отмахивался мечом, преимущество в размерах оружия списывалось на нет размерами площадки. Выход за ее пределы знаменовал поражение, к тому же и неприятное падение, так как канатов на этом ринге не было, и над землей он возвышался на целый метр. Разорвать дистанцию не удавалось, и кистень Андрея казался очень грозным оружием, несмотря на свою длину.

Лишь неимоверным усилием, бешено размахивая мечом, Паша все-таки смог разорвать дистанцию и отойти ближе к центру ринга. Это помогло ему сгруппироваться для атаки, теперь Андрей выступал в роли защищающегося. Ответить на Пашин натиск на неудобной для своего оружия дистанции он не мог. Да и защититься ему было практически нечем. Его щиток был

слишком мал, чтобы не разлететься от нескольких сильных ударов, к тому же таким вообще было трудно словить меч. Теперь уже Андрею пришлось уйти кувырком. Поднявшись, он откинул кистень и вынул саблю, сделал он это так быстро, что воспользоваться моментом Павел не успел.

Андрей бросился в атаку. У Паши сложилось мнение, что в щит он бьет специально, чтобы рука под ним окончательно онемела и перестала подчиняться хозяину. В какой-то момент Паша специально немного раскрылся, но сабля Андрея все равно ушла именно в щит.

Паша уловил момент, когда Андрей размахивался для очередного удара, встретить этот удар он намеревался не щитом, а собственным мечом, надеясь на его вес. По плану, саблю Андрея от этого столкновения должно было бы откинуть. Андрей это понимал, а потому в последний момент вывернул кисть, изменив траекторию удара, а вот Паша не успел. Пашу вновь увлекло вслед за оружием, но на этот раз он не успел предпринять каких-либо действий. Его меч стукнулся о доски настила, застряв в одной из щелей, для поддержания равновесия Паша отвел щит за спину, но это не спасло его. Уже через миг сабля Андрея хлестнула его по плечу, плашмя. Бой был окончен.

Впрочем, Паша продержался не малое время и вел сражение достойно, так что с ринга оба уходили под одобрительные выкрики. Пожалуй, Пашу хвалили даже больше, но вот сам он был двоякого мнения о проведенном поединке. Левая рука практически безвольно обвисла, еле удерживая щит, правое плечо оказалось слегка вывихнуто в результате последнего неудачного удара. Казалось, выступил он достойно, но сам он ждал от себя куда лучших результатов.

В последнее время Паша почти не делал различий между мирами, между сном и реальностью. Теперь он искренне верил в существование сверхъестественного и всеми силами искал проявления оногo. Переломным моментом стало исчезновение Зинаиды, теперь Паша больше не хотел искать рациональных объяснений происходящему с ним и около него.

Он изрисовал целую тетрадь своим знаком, который открыл ему Иван, и, хоть так и не понял, что он может значить, Павел не опускал рук. Все чаще его посещало то предсонное чувство, казалось, когда Паша приближался к разгадке его природы, оно специально пропадало или же погружало Павла в сон. Не упускал Павел и возможности попрактиковаться в «единении», как он это называл, с пассажирами автобуса. Удавалось это далеко не всегда. Но этот день выдался насыщенным, после поединка Паша чувствовал себя уставшим и несколько отрешенно смотрел на людей, возможно, это и помогло ему войти в нужное состояние.

Напротив Паши сидел парень лет восемнадцати. Одет он был в темно-синюю просторную футболку и такие же просторные джинсы, на коленях он держал под завязку набитый заплечный рюкзак. Смотрел он в окно, будто боясь отвлечься, пряча взгляд от людей.

Невольно Паша заинтересовался тянущимися от парня смесью тревоги и растерянности. В какой-то момент Паше показалось, что парень сбежал из дома, что он абсолютно потерян и наверняка не в своем городе. Повинуясь некому инстинкту, какому-то внутреннему приказанию, Паша достал окуляр, подаренный бесследно исчезнувшей Зинаидой, и принялся разглядывать парня через его стекло.

Паша совсем недавно наконец-то установил, для чего именно нужен окуляр. Некоторые люди излучали ауру, которую можно было различить лишь с помощью этого стекла в деревянной оправе. Впрочем, представители клуба «Богатырь», которых настоятельно рекомендовала рассмотреть Зинаида, никакой особенной ауры не излучали.

А вот у парня напротив Паши аура оказалась весьма необычной. Слишком необычной, чтобы Паша мог себе позволить взглянуть на нее лишь украдкой. Обычно аура представляла собой еле заметное голубоватое свечение по контуру тела, встречались и другие цвета, но реже. У кого-то она была чуть ярче, у кого-то совсем блеклая, так, что ее почти нельзя было различить. Тут же никакого свечения не было, парень был охвачен серебристой дымкой, особенно

интенсивно дымились область плеч, груди и глаза. Паша не мог разглядеть даже контуры лица через эту дымку.

Тем временем парень наконец-то почувствовал на себе пристальный взгляд и обернулся. Паша успел спрятать окуляр, но вот взгляд отвести не успел.

Напряженный момент встречи взглядами показался Паше вечным. Под взглядом случайного соседа он почувствовал себя неловко, может из-за чрезвычайной твердости взгляда того парня, а может и из-за обыкновенного стыда, связанного с длительным рассматриванием незнакомого человека.

Так или иначе, но взгляда Павел не выдержал и спрятал глаза. Нарастающие волны недоумения и даже некоторой злости выдернули Пашу с места, он уже не разбирал, его ли это чувства, или парня напротив, а потому поспешил побыстрее покинуть салон автобуса на первой же остановке. Не своей остановке.

Эта встреча оставила в Пашей уйму впечатлений, он даже не понимал, где именно он вышел, а главное – зачем? Только сейчас Паша понял, что на руке у парня был браслет. Тот самый браслет, что когда-то ему, Павлу, подарили лесные эльфы. Паша потряс головой, будто сам не желая верить своим воспоминаниям, все-таки похожую безделушку могли изготовить где угодно.

Мимо него шли люди, обходя или задевая, тщетно пытаясь утаить свои жалкие, никому не нужные, тайны или же выставя их напоказ, спеша или не торопясь, движимые высокими целями, низменными потребностями, а то и вовсе их отсутствием. Все они не были интересны Паше, слишком глубоко он задумался о собственных тайнах и целях. Пожалуй, в этот момент был пик, финальное сражение реального и желаемого мира в его голове. И Паша поверил окончательно. Теперь это была не слабенькая надежда на существование магии, эльфов, Любавы и Еремья, эпичных сражений, тайн колдовства, богов и их войн. Теперь это была непоколебимая уверенность, граничащая с неоспоримым знанием. Теперь его мозг искал «рациональные» оправдания не тому, происходящему вокруг, что не описывалось в научных книгах. Нет, теперь он оправдывал существование той реальности, в которой вынужден был жить до этого момента. Теперь не он был сумасшедшим, но они, эти прохожие, слепцами. Глупым стадом, загнанным в рамки серого, никчемного бытия, состоящего из однотонных событий и святого охранения всего этого дерьма, что сочилось из каждой поры на их коже. Сами они сделали мир таким, или же их кто-то заставил – это Пашу не заботило. Главное, что его окружали бездумные роботы, страшющиеся увидеть чуть дальше своего носа, и дико верещащие при виде тех, кто все-таки заглянул. Стремящиеся забить камнями, сжечь на костре, упрятать в четыре стены, лишь бы этот непознанный, огромный мир оказался подальше. Ведь в нем придется ощущать себя еще мельче, чем та песчинка, ведомая неборимыми силами массмедиа, ложами заговорщиков и финансовыми потоками. Уж лучше так, как привыкли, быть ничтожным червем в куче себе подобных, копошащихся в грязи, задыхающихся в стенаниях о несправедливости мира, но продолжающих влачить жалкое существование, ради факта существования.

Но с этого момента это была не Пашина судьба. Он принял другой мир и стал его частью. Неотъемлемой частью. «Я смогу!»: эти слова били пульсирующей в голове кровью.

Паша помнил обряд перемещения в мельчайших подробностях, более того, он сам не до конца осознавая, все это время собирал необходимые для него компоненты. Оставалось последнее. Символ.

Глава 2.

Уже которую ночь подряд Пашу посещало то самое ощущение. Измученный, он не мог понять, что же это. Чтобы сохранять это состояние, Паше приходилось лежать абсолютно неподвижно. В полусонную голову внезапно пришла, как показалось Паше, весьма забавная мысль. До этого он лишь предавался ощущению, не пытаясь его подчинить, не стараясь создать что-то из тех миллиардов белых точек, что рассыпались перед его взором. Сейчас же ему захотелось собрать из них свой символ, который он узнал в результате обряда, проведенного магом Иваном. Мысленно Паша приказал точкам слиться.

Поначалу ничего не удавалось, внутренние противоречия не давало достигнуть желаемого. Будто часть Паши желала сложить, а другая, из вредности, всячески этому мешала и сопротивлялась. Так часто бывает с приевшимися песнями, которые никак не удается выкинуть из головы. Паше пришлось вспомнить уроки Ивана, который учило его самообладанию и сосредоточенности.

Как он говорил, та часть мозга, которую принято называть сознанием, противится любому волшебству или его проявлению. Сознание неистово стремится стабилизировать картину мира до привычного вида, где нет места сверхъестественному. Даже если человек уже видел колдовство, даже если о его существовании твердят книги и рассказы, все равно сознание будет сопротивляться, пусть и слабее.

Что же говорить о Паше, мозг которого цеплялся за стены коридора ведущего к осознанию нового, пусть эти стены и были гладкими. До выхода оттуда оставался лишь шаг. Последний, самый трудный шаг. Собравшись с силами, Павел его совершил. Теперь пути назад не было, и Паша прекрасно отдавал себе отчет в этом, любуясь составленным символом. Тот казался слепленным из чистой энергии, из самой магии, скрепляющей мир. Из самой сути, которой был наполнен Паша и любой другой предмет или существо. Символ, как теперь был уверен Паша, означал саму магию.

На древнем языке слово «магия» писалось уже известными символами, а не обозначалось одним из них. Тридцать четыре символа, из числа известных, использовались как буквы, ими и были написаны древние тексты, часть из которых Павлу довелось читать самолично. Как говорил Иван, остальные символы могут означать слова целиком, но все эти слова легко могли быть написаны уже известными «буквами», которые, впрочем, так же таили в себе и целое слово, в том числе. Таким образом, в древних текстах, написанных алфавитом из известных символов, не было слов, короче двух знаков. Впрочем, это было не так важно.

Сейчас Пашу волновало лишь то, что ему наконец-то удалось разобрать собственный символ, он, пожалуй, даже не был уверен, что его символ можно было дословно перевести как «магия». Но это было несущественной мелочью, ибо на подсознательном уровне он понимал, как им управлять, как призывать его для сотворения всей той волшбы, что ему не удавалась ранее.

Из-за охватившего его возбуждения Паша хотел вскочить с кровати, побежать записывать, подготавливать, действовать, но внезапно почувствовал сильную усталость, граничащую с немощностью. Он уснул.

Утро выдалось солнечным, насколько это было возможно для вступившего в полную силу октября. Всю прошлую неделю сильные порывы ветра заставляли кутаться в одежду, но сегодня было безветренно. Паша потянулся в кровати, улыбаясь солнечным лучам, проникшим в комнату через окно.

Накинув на себя спортивный костюм, Паша вышел на пробежку, которую он постоянно устраивал себе, когда бывал дома в деревне. Теперь соседские бабушки уже не смотрели на

него, как на пришельца, хоть бывало и шептались между собой о его странностях, о том, что на чердаке он творит страшные, никому не понятные вещи, вплоть до поедания младенцев. Однако когда Паша помогал им пронести тяжелую сумку или же подлатать забор, все эти бабушки исходились любезностями и похвалами в его адрес.

– Здравствуй, Паша! – приветствовали его бабушки на лавочке возле соседского дома.

Паша на бегу поздоровался в ответ и быстро скрылся из вида по уводящей вниз дороге. Он обдумывал, где бы ему раздобыть недостающие компоненты, нужные для проведения обряда. В частности, серебряный кинжал и дикий, а главное живой, заяц. Собственно, это было то последнее, что достать так просто не представлялось возможным. Серебро для кинжала можно было попробовать собрать по частям, а потом переплавить его в кинжал. Дикого зайца Паша подумывал изловить в лесу, если они там еще остались.

Однако это были лишь планы. Серебро в любом виде стоило немалых денег, а промышлять воровством Павел не планировал. Искусству охоты он не обучался даже там, куда хотел вернуться. Впрочем, найти некоторые решения этих вопросов можно было во всемирной сети, но вот в деревне доступа туда Павел не имел. Зато интернет высокой скорости был в «Богатыре». С недавнего времени ребята договорились собираться и по воскресеньям, так что после пробежки Павел наскоро позавтракал и до самого отъезда в город провозился на чердаке, подготавливаясь к задуманному.

Атмосфера воскресных тренировок несколько отличалась от тех, что проходили по будням. Больше времени уделялось разговорам или подготовке снаряжения, чем боям или физическим нагрузкам. Все чаще заводились разговоры о магии, эзотерике, сверхъестественном. Как будто невзначай, ненавязчиво, то Дима, то Леша предлагали провести какой-нибудь обряд, от спиритического сеанса до шаманских плясок у костра. Пашу настораживало подобное положение дел, однако ничего знакомого в описываемых обрядах он не замечал, а потому списывал все на обычное любопытство. Все-таки мир полон разного рода экстрасенсов и медиумов, которые совершают причудливые, необъяснимые действия.

И вот в это воскресенье планировалось попробовать первый совместный обряд, ребята собирались вызвать какого-то духа. Паша не пытался вникнуть в суть, так как был уверен в том, что ничего у них не выйдет. Уж слишком неуверенно вели себя даже те, кто знал Диму давно. Паше удалось краем уха подслушать разговор Артема и Никиты, первый говорил о том, что Дима, должно быть, спятил и вся эта затея с духами не выглядит адекватной.

Тем не менее, большинство заразилось нездоровым интересом, каждый чувствовал себя адептом ордена заклинателей и был готов хоть сейчас беседовать с духами, демонами и прочими сказочными существами. Кроме Паши. Он хотел уйти, но Дима ненавязчиво, как могло бы показаться на первый взгляд, попросил его остаться. В его глазах что-то блеснуло, нечто зловещее. Паша несколько оторопел, но отказаться не посмел, теперь уже и он был заинтригован, если не сутью обряда, то странным поведением Димы.

В темной комнате, при свете свечей, соблюдая лучшие традиции колдовства, почти все собравшиеся уселись в круг. Сидели прямо на полу, пытаясь изобразить так называемую позу лотоса. Настроены все были серьезно, кто-то хмурился, кто-то с интересом осматривался и лишь Вася задавал глупые вопросы:

– А где появится дух? – Вася все еще не мог найти свое место, хоть таковое четко выделялось между Пашей и Андреем, – А мы его увидим?

Он наконец-то подошел к Паше и тихо спросил:

– А можно я тут сяду?

Паша лишь промолчал в ответ, сдерживая вырывающееся наружу напряжение. Довольно спокойный Андрей, никогда не трогавший Васю, скорее даже защищавший его от нападок Кирилла, дернул подопечного за рукав, усадив рядом с собой. Когда тот попробовал что-то проямлить, Андрей отвесил ему тумака.

- Сиди тихо и делай что говорят, – с этим Андрей отвернулся от мигом затихшего Васи.
- Начнем, – сказал Дима.

Облачен он был в черный плащ с глубоким капюшоном, что сильно добавляло атмосферности происходящему. На Васю, наверно, и вовсе нагоняло страх, так как он чуть ли не прижимался к плечу Андрея. Картина начинала напоминать сюжеты различных фильмов ужасов.

Заклинатели неслучайно сели кругом, в центре помещения была начерчена окружность, в которую была вписана та же фигура, но меньшего диаметра. В образовавшемся меж ними пространстве был вписан текст, прочесть который Павел не смог, но понял, что слова написаны на латыни.

В центре круга стояла маленькая латунная мисочка, наполненная пеплом до краев. Стоит заметить, что и окружности и текст красовались прямо на паркете, и исполнены были крайне аккуратно. Так как в тонкости обряда были посвящены не все, песнопениями на все той же латыни занимались только Леша, Дима, Саша и Андрей. Они и были главными затейниками, носителями знаний о колдовстве, именно они инициировали все беседы о подобном. Как понял Павел, расположились они по сторонам света, прямо по всем канонам чародейского искусства, однако, как человек сведущий, смеяться над этими канонами Павел не решался.

Как мантру, они то нараспев, то срываясь на истеричный вопль, повторяли одну и ту же фразу. Громче всех декламировал Дима, который был главным колдуном, как и предполагал Павел.

Паша с удивлением стал замечать, что и все остальные, как заведенные, начали вторить Диме, будто их посетило прозрение или же охватило безумие. Паша был уверен, что никто из них не знает значения фразы, никто из них до входа в комнату не знал и самих слов этого заклинания. Но теперь все протяжно, и как-то устрашающе, повторяли все слово в слово вслед за Димой, раз за разом все точнее и громче. Их голоса сливались в единое целое, и Паша, отбросив в сторону удивление, вдруг поймал на себе взгляд Димы. Взгляд, наполненный смесью чувств: подозрением, злобой, неким презрением. И все это было обильно одобreno недоумением.

Паша наконец-то понял, что он был единственным из присутствующих в комнате заклинателей, чьи губы оставались неподвижными. Быстро сориентировавшись, Паша подхватил общее пение, стараясь выглядеть как можно естественнее, взгляд он рассредоточил, пытаясь сконцентрироваться на словах. Выговаривал он их как можно тише, чтобы никто не услышал его в общем гаме.

Тем временем группа все громче и громче выкрикивала фразу, Паша полностью вжился в роль и Дима, казалось, был удовлетворен. Паша даже увлекся, теперь уже полностью выучив фразу, он пытался покачиваться в такт с остальными.

Слишком резко и неожиданно Дима встал с места, раскинув руки в стороны, он распахнул свой балахон. Паша чуть не выдал себя, ведь он, видимо, был единственным, кто вообще обратил внимание на Диму и его действия. Собравшись, Паша продолжил выкрикивать слова, казалось, его короткая заминка осталась незамеченной.

- Resurget ex favilla, ecce servi tui! – неистово голосил он вместе с остальными.

Взмах полами балахона поднял в воздух тот пепел, что лежал в миске. Однако этого взмаха явно не было достаточно для того, чтобы весь пепел покинул миску, и, оставаясь в границах круга, парил, пытаясь собраться в какую-то фигуру.

Паша и сам не мог понять, растревоженная ли фантазия рисовала ему узоры из пепла или же все происходило наяву. Однако эта неопределенность не мешала его сердцу бешено колотиться, а рту продолжать выкрикивать фразу. Паша, конечно, еще полчаса назад хотел верить в магию, и, как ему казалось, верил, но сейчас его сознание вновь начало процесс отторжения. И

не потому, что верить не хотелось, а потому что это была другая, абсолютно чуждая виденной ранее, магия. Пугающая, зловещая и совсем непонятная.

Все это действие происходило на втором этаже дома, в довольно тесной комнате без окон. Однако и в ней был прекрасно слышен звонок в дверь, сигнал которого и раздался уже через несколько секунд после явления пепельного духа. Услышал звонок не только Паша, но и все остальные. Наваждение спало, будто все разом вынырнули из омута, в котором прочно увязли. Пепел, еще секунду назад паривший в изящном полете, извиваясь в причудливых изгибах, безвольным облаком стал оседать на полу, одежде и головах присутствующих. Обряд был прерван и Паша, пожалуй, был единственным, кто этому факту был искренне рад. А вот Дима довольно грязно выругался, проклиная неожиданного гостя, звонившего в столь неудобный момент. Его ясно сильно разозлил срыв обряда, казалось, его глаза были готовы метать молнии, Паша даже испугался за незваного гостя, так как Дима весьма целеустремленно ринулся на улицу, к дверям. По пути он скинул свое мрачное колдовское одеяние и схватил тренировочную булаву, которая вполне сошла бы и за бейсбольную биту.

Остальные же не выглядели опечаленными, скорее растерянными и поникшими. Они то и дело терли глаза, будто только что проснулись, Паша, чтобы не выделяться, тут же принялся им подражать, старательно изображая измученного овоща.

Как оказалось, в дверь звонили дети. Обычные мелкие хулиганы, чей и след простыл, пока негодующий Дима добрался до калитки. Чаше такая шалость практиковалась в подъездах домов, но и в так называемом частном секторе случалось нечто подобное.

Когда это выяснилось, обряд возобновлять не стали. Саша и Андрей остались в комнате, чтобы все прибрать, остальные же вышли на улицу, в беседку, кто покурить, а кто и просто освежиться.

– Как будто волной накрыло, сижу, кричу эту... муть, а потом он, – на слове «он» Сергей многозначительно остановился, будто это местоимение было достаточным описанием увиденного.

И оказалось, что этого было действительно достаточно. Как выяснилось, вместо кружения пепла, которое наблюдал Павел, остальные видели духа, которого они так дружно звали хором. Толком описать виденную сущность никто не мог, все видели что-то разное. Для кого-то это был лишь размытый силуэт, похожий на человеческий, кому-то чудились невиданные ранее монстры. Но неизменным оставалось одно, дух тянул свои руки, щупальца, клешни и прочие виды конечностей к заклинателям, будто стараясь коснуться их. Однако им мешала невидимая стена, защищающая ребят от наверняка губительных прикосновений.

Вскоре в беседке появился и пропавший Дима, с ним и остальные ведущие обряда. Гам в беседке мигом затих, все желали услышать каких-то объяснений, и Дима заговорил:

– Что я могу сказать, – он окинул взглядом всех присутствующим, проверяя все ли его слушают, – все вышло хорошо. Неожиданно хорошо. Я не ждал, что у каждого из вас выйдет войти в нужное состояние.

Тут он пристально взглянул на Пашу, тот в свою очередь взгляд принял, пытаясь принять как можно более беззаботное выражение лица, будто совсем не понимает, отчего Дима смотрит на него. «Наверно, я все-таки попался»: Паша отнюдь не был прекрасным актером, более того, где-то в глубине души он был горд, что не поддался чарам обряда. Однако теперь нужно было избрать правильную стратегию, Паша отчетливо понимал, что клуб «Богатырь» непростое место, и его предводитель не простой бизнесмен, а значит ему, Паше, нужно быть аккуратнее и бдительнее.

«Скажу, что меня не пробрало, что не подействовало, что испугался, поэтому притворился. Дурачком прикидываться я умею»: решил лжезаклинатель.

– Сегодня мы достигли больших результатов, и, что главное, с первой же попытки. Я надеюсь, что каждый из вас заинтересован в развитии... эмм... уже достигнутого успеха. Что каждый из вас жаждет знаний, жаждет власти над тайным.

Настало время принимать решения, дорогие друзья, ведь теперь вы *видели*. Что именно вы видели, к каким силам взывали, и что у вас получилось, я вам обязательно расскажу, но не сейчас, не сегодня. Сейчас я вынужден вас предупредить: никто не должен знать о той комнате и произошедшем в ней сегодня. Никто. Пугать я вас не стану, вы и сами, скорее всего, поймете, чем это может грозить вам.

Сейчас же у вас есть время все обдумать, друзья. Вы можете встать на путь знания или продолжить уже привычную вам жизнь, я ни к чему не стану вас принуждать. Но решить вы должны уже сейчас, а оправдать для себя свое решение у вас есть неделя, до следующего воскресенья.

Вам есть над чем подумать. Способны ли вы хранить тайну? Не боитесь ли вы того знания, что можете обрести? Ваша жизнь изменится раз и навсегда, советую подумать хорошо, тщательно все взвесить. О вашем решении я узнаю следующим образом, вы либо придете, либо не придете в следующее воскресенье. И не может быть никаких неотложных дел, которые вдруг упали на ваши головы. Вы либо с нами, либо нет, – на этом он умолк, обводя взглядом затихших заклинателей.

– А сейчас время хорошенько отдохнуть! – воскликнул он и раскинул руки, будто хотел всех обнять.

Его лицо расплылось в приторной, но казавшейся искренней, улыбке, всем видом он показывал, что видит в присутствующих только верных друзей, и каждый из них крайне дорог для него.

Словно по волшебству в беседке появились горячительные напитки и закуски к ним. Голодные рты тут же распахнулись в одобряющем крике, а нервные, видевшие сегодня столь необычное явление, глаза жадно впились в угощения. Людям была нужна разрядка, Дима не просчитался, пожалуй, каждый был готов принять нужное ему решение.

Уйти с этого застолья Паша не мог, хоть ему и хотелось. Он не мог себе позволить вот так отказаться от предложенного Димой знания и сотрудничества с ним, к тому же не хотелось наводить на себя излишних подозрений.

Поэтому он с радостным лицом, будто желая повеселиться в знак причастности к чародейству, которого ранее он не видел, а сейчас поражен им до глубины души, Паша принялся глушить водку. Потом и пиво. Он не планировал напиваться, но его чувствительность к алкоголю заметно выросла за период воздержания, это стало неприятной неожиданностью, Павел сильно захмелел. Теперь прикидываться стало гораздо сложнее, особенно если учесть, что разговоры велись вокруг совсем не обычные. Паше то и дело хотелось вклинуться в беседу, рассказать о своих похождениях, обо всем, что видел и знал. Жаждал похвастать, переманить публику, его отчего-то уязвляло то, что именно Дима оказался не обычным человеком. Паша искал магии, да. Но не в клубе «Богатырь», именно здесь он меньше всего желал ее видеть.

Леша и Саша живо повествовали нетрезвой компании о преимуществах, которые могут дать магические практики, о приемах, которым можно обучиться, при этом подробно ничего не описывалось, что, пожалуй, и спасало Пашу, отсутствие конкретики и, как следствие, возможности ее оспорить. Не дожидаясь момента, пока его пьяный мозг не захочет поделиться знаниями и ляпнуть чего-нибудь лишнего, Паша, под предлогом похода в отхожее место, покинул беседку.

В доме, прямо возле входа в туалет, он столкнулся с Димой.

– Что, тоже приспичило? – заправляясь, спросил Дима.

– Угу, пиво требует выхода, – пробормотал Паша, стараясь побыстрее пробраться мимо Димы к заветной двери.

Такое стремление было обусловлено двумя факторами, Паша действительно хотел в туалет и не хотел вести бесед с главой «Богатыря», слишком уж сыро выглядела та ложь, которую он успел сформировать в хмельной голове.

К счастью, Дима не препятствовал, лишь усмехнулся и вышел во двор, видимо, направляясь в беседку. Паша справил нужду, и, передвигаясь от стены к стене, наконец-то понял, что сильно пьян. «Домой!»: Паша хорошо понимал, что может натворить в подобном состоянии.

Вещи он решил оставить в клубе, в конечном итоге, на будничные тренировки он планировал вернуться в любом случае. Ему сильно повезло, что Сергей и Артем тоже собирались домой, и Пашин уход нельзя было бы назвать внезапным.

Вне стен клуба разговоры о магии были строжайше запрещены, все торжественно поклялись, икая и покачиваясь, что «ни-ни» о чем-либо и кому-либо, особенно о происходящем в клубе. Дав эту пьяную клятву, компания вышла на улицу.

– Вот, скажи, Артем, ты любишь свою Дашу? – Сергей изрядно пошатывался, пожалуй, больше остальных.

– Люблю, регулярно люблю. И Наташу. А вчера и продавщицу из магазина напротив любил, – самодовольно отвечал Артем.

– Вот ты изменяешь своей девушке, а если она даже просто посмотрит на кого, ты бучу поднимаешь, ик... – Сергей споткнулся и едва удержался на ногах, – Вот. И как ты это объясняешь?

– Я – это я, а ей нельзя, – Артем выглядел так, будто рассказывал какую-то общеизвестную аксиому, спорить с которой нет никакой возможности, – Или ты предлагаешь размазывать сопли по всему лицу, узнав, что она там под кого-то легла? И потом стелиться ковриком, чтобы она тебя не бросила? Так ты это видишь?

Лучшая защита – нападение, давно известная пословица. И она сработала, Сергей растерялся, лишь что-то пробурчав в ответ. Он чувствовал, что прав, но Артем был слишком уверен, а Сергей слишком пьян. За него решил сказать Паша, доселе молчавший, все-таки он успел немного подружиться с Сергеем.

– Нет, пускать соплей не нужно, тут ты прав, – Паша пытался собрать мысли воедино, но мозг был затуманен хмелем, – Но... Но стоит быть честнее. Если она не изменяет, то и ты делай так же, или будь готов к тому же, что делаешь сам. Иначе нет смысла в этой ревности, будто она твоя собственность.

– Ой, ты уже не встречай, – Артем махнул рукой, – Ревности... А тебе что, будет приятно, если твою девушку будут иметь во все щели, а потом она придет к тебе и скажет, что любит только тебя?

– Нет, не будет. Только ты уходишь от вопроса, она изменила – плохо, ты изменил – хорошо. Это не нормально.

– А по-моему очень даже нормально, прям замечательно! – Артем был тверд как стена, – И что?

– Да, ничего, – Паша усмехнулся и замолчал.

Вдруг у Сергея зазвонил телефон, Паша и Артем тут же рассмеялись, так как знали, кто ему звонит. Скорее всего, это была его девушка, и сейчас ему предстояло оправдываться перед ней. Каким бы ни было отношение Павла к изменам, а вот в отношении «подкаблучничества» он был солидарен с Артемом, чего нельзя было сказать о Сергее.

– Дорогая, я уже иду... Нет, я не пьяный, – Сергей остановился на месте, чтобы как можно лучше сконцентрироваться на разговоре, однако ему плохо удавалось выдавать себя за трезвого.

Не менее десяти минут он понуро плелся за Артемом и Пашей, боясь отвести трубку от уха, чтобы не пропустить ни слова из той брани, что лилась на него оттуда. В ответ он лишь

сопел и соглашался, боясь что-либо возразить. Так они и подошли к остановке, распрощавшись там.

Путь домой показался долгим, Паша окончательно измотал себя раздумьями о Диме, «Богатыре» и том, что может ждать его в будущем. Медлить было нельзя, Паша должен был успеть провести свой обряд до следующих выходных.

Добравшись домой, он устало рухнул в кровать, не желая больше ни о чем думать, даже о том, что утром его ждала головная боль и прочие радости похмелья.

На работе Паша уже в который раз был вынужден отказывать клиентам в поставке зелий, ссылаясь на то, что его поставщик бесследно исчез и лавочка закрылась. Паша и сам был не рад подобному положению вещей, ведь он терял значительную часть прибыли. А деньги ему были нужны. Он уже скупил около десяти грамм серебра у цыганок на вокзале, но этого было слишком мало для изготовления клинка. Впрочем, делать лезвие цельным, полностью серебряным, Павел и не планировал. Сердечник он уже изготовил из обычной стали, серебро же он планировал как-то наплавить поверх основного лезвия, не сильно заботясь о прочности получаемой конструкции, да и вообще, о возможности подобной операции.

В интернет-магазинах цены на подобные кинжалы были либо слишком велики, чтобы Павел мог себе позволить такую покупку, либо слишком малы, чтобы верить в то, что в товаре вообще есть серебро.

Что же касалось зайца, то искомое Паша планировал изловить в лесу, недалеко от деревни. Не в том, из которого он переместился в прошлое, а в другом, более обширном и диком лесу, что располагался в семи километрах от деревни. Там была легализована охота по лицензиям, имелись егеря, имелись и браконьеры. Одним из последних и планировал стать Паша, слушая рассказы деревенских охотников и рыболовов.

Варить зелья Паше не удавалось, ввиду отсутствия компонентов, зато практиковать магические действия на чердаке времени хватало. Получалось далеко не все, даже примерно понимая, что значит его символ, он был не в состоянии конкретно воздействовать на окружающее его пространство. Порой ему казалось, что манипуляции имеют результат, но всегда находилось какое-нибудь оправдание, имеющие рациональные корни.

Связано это было с тем, что Паша не пытался взывать к стихиям, а просто пытался сдвинуть с места камешек или, например, притупить чью-нибудь бдительность.

Мать была на кухне, суется возле плиты. Паша произнес нужное заклятье, используя ломаный древний язык, четко себе представил, чего он хочет от этих слов и вошел в помещение, специально зацепившись за дверной косяк. Мать, казалось, его присутствия не заметила. Он пристально наблюдал за ней, прохаживаясь по кухне, пока она, словно очнувшись, наконец-то не обернулась.

– Ты голодный, Пашка? – спросила она у сына.

– Нет, мама, – Паша пытался понять, вышло ли время заклинания, или же мать его не видела до этого просто так, – просто зашел.

– Просто так? – мать явно не верила, или не хотела верить таким ответам.

– Да, вот хлеба пожую, – Паша решил, что не за чем нагонять на себя подозрений, его и так считали, мягко говоря, не в себе.

– Так возьми в холодильнике колбасу, и огурчики там есть, – засуетилась мать, стремясь накормить сына.

– Не, мам, не хочу, я поехал уже, в город.

Паша развернулся и ушел, так и не сделав конкретных выводов о своей магии, а заодно и оставшись голодным.

Все-таки он по-прежнему боялся узнать, может ли он колдовать или нет. Ведь однозначность могла бы сломать уже устоявшуюся картину мира, где магия определенно была, была даже рядом, но все же не в нем самом, не в Паше. Все опробованные им заклятья могли

бы иметь результат, обусловленный обыкновенной случайностью, а не магическим действием. Паша не решался дать себе ответ на этот вопрос прямо сейчас, все должно было решиться при проведении запланированного обряда.

До города он добрался лишь к вечеру, впрочем, и в деревню он ездил лишь после отработанной на заводе смены. «Девятнадцатое октября, среда»: гласила надпись на дисплее мобильного телефона. Паша не успел уложить его обратно в карман, как телефон завибрировал, играя стандартную мелодию, а дисплей оповестил: «Сергея Богатырь».

– Аллю.

– Привет, Паша, – донеслось из динамика.

– Привет.

– Слушай, ты занят?

– Как сказать, – Паша шел от вокзала к общежитию, неся увесистую сумку с провизией и другими вещами, – Доберусь до общаги, и буду свободен. А что?

– Да так, думал с тобой пива выпить. Ну, ты ж не пьешь, так выпьешь лимонада, поговорить нужно, в общем. Что скажешь?

– Я не против, – Паша отчего-то захотел выпить пива, недавняя пьянка разбудила в нем тягу к алкоголю.

– Давай тогда в восемь на «Наполеоне».

– Хорошо, я отзвонюсь, если вдруг.

Паша частенько получал звонки от Сергея, они сильно сблизились в последнее время, и, пожалуй, их можно было бы назвать друзьями. Вместе они играли в бильярд или просто сидели за разговорами в кафе и барах. Паша был не прочь проветриться и немного отдохнуть от своих мыслей, Сергей же отдыхал от своей Светы.

До назначенного срока оставалось еще двадцать минут, но Паша уже был возле бара со звучным названием «Наполеон». Обыкновенная забегаловка на десяток столиков, которые так часто бывали залиты пивом и засыпаны орешками, что те пропитались ими насквозь и уже не оттирались никакими моющими средствами. Впрочем, употребляли здесь и другие напитки, а по выходным, бывало, зал арендовали для проведения свадеб.

У полупустой барной стойки стояло несколько высоких деревянных табуретов, Паша сел на один из них и позвонил Сергею. Тот заверил, что уже в пути и скоро будет. Ждать его просто сидя на табурете Паша не пожелал и заказал себе кружку пива.

На вчерашней тренировке никто и словом не обмолвился о воскресных приключениях. Все старательно делали вид, будто ничего не знают и не помнят, но было видно, что в компании витает некое, едва уловимое, напряжение. Все с нетерпением ждали нового воскресенья. Это не было странным желанием, если учесть специфику самого клуба и собравшийся в нем контингент людей. Все они тянулись к неизведанному, необычному и оттого манящему.

Не исключением был и Паша, но вот с «Богатырем» ему было не по пути, слишком чуждой ему казалась та сила, которую использовал Дмитрий. «Идти или не идти?»: этот вопрос Паша задавал себе все чаще, так как времени до принятия решения оставалось все меньше.

– Чуть задержался, не привык я автобусами ездить, а за руль выпивши никак, – запыхавшийся Сергей пожал руку Павлу, – А ты уже начал, я вижу?

– Да, решил скоротать время бокальчиком.

– Все-таки решил выпить?

– Угу.

Они переместились от стойки к одному из угловых столиков. Паша заказал себе картошки с мясом и грибами, таким образом, планируя не только утолить голод, но и захмелеть в меньшей степени.

Первая кружка ушла за разговором о всяких пустяках, но Паша видел, что Сергей чем-то обеспокоен.

– Что уже у тебя стряслось, давай, выкладывай. – Паша проникновенно взглянул на собеседника.

– Да... Бросила она меня, в общем. К какому-то типу ушла, вроде все серьезно у них, – начал Сергей, – причем сразу на меня бочки покатила, мол, это я ей изменяю, а не она мне изменяла с ним. Потому обвинила меня в алкоголизме, что я ей мало внимания уделяю, что в клубе мы баб трахаем, а если не трахаем, так все равно дибилы, помешанные на своих железках. А потом вообще заявила, что от всего устала и, блин, меня из моей же квартиры выставила.

– Нда, – Паша крепко приложился к бокалу, – И что нового, собственно? По-моему, подобное уже не в первой.

– В этот раз наверняка. Как-то слишком серьезно все было. И в этот раз, знаешь, – Сергей глотнул из кружки, – В этот раз я не чувствую себя виноватым.

– Так в чем проблема? Чего ты ее в зад не пошлешь, чего ты за ней бегаешь, ей же этого и нужно!

– Люблю...

– Любишь? – Паша хмыкнул, – Значит, ты мазохист. Ты хоть раз попробуй быть мужиком, будь сильнее, пошли ее к чертям собачьим, она сама прибежит же.

Сергей молчал, а Паша вдруг подумал: в праве ли он давать такие советы, ведь он сам не являлся обладателем семейного счастья или ценного опыта по его устройству.

– А давай водки? – Сергей поднял глаза.

– А давай.

Пол-литровый графин, покрытый мельчайшими капельками конденсата, был распит в течение часа, за ним заказали еще один. Выпившие Сергей и Паша оживленно обсуждали женскую натуру, все ее недостатки и достоинства. Паша не забывал упоминать и о мужских аналогах, но под общее «нам можно!» виноватыми во всем оставались наследницы Евы.

– А знаешь, ну ее, эту Свету! – Сергей выглядел очень серьезно, казалось, он даже отрезвел на миг, – Я решил!

– И за это надо выпить! – усмехнулся Паша, разливая остатки спиртного.

«И я решил»: подумал Паша, громко «хукнув» в сторону.

Дальше они, обнявшись за плечи, покинули «Наполеон» и в ближайшем магазине приобрели еще по бутылке пива. Под тусклым светом звезд и луны они сидели в каком-то дворике, разговаривая о своем прошлом. Паша даже чуть не проболтался о своем путешествии, но вовремя остановился. На момент он заподозрил Сергея в том, что он подослан Димой для слежки за Пашей. Диме Павел больше не доверял. Он еще не до конца понял, что именно в главе «Богатыря» опасного, и чем тот так отталкивал Пашу. Впрочем, выяснять это Паша и не планировал, проще было просто прекратить контакт и с ним, и с клубом. Прощаться с клубом не хотелось, там все-таки было много приятного, чего Паше будет не хватать после, но с другой стороны он был твердо уверен, что обряд он проведет правильно и в этом мире дольше недели никак не задержится. А значит и «Богатырь» ему не нужен.

На работу Паша опоздал, причиной тому была вчерашняя попойка. Запыхавшись, страдающий головной болью электрик, прибежал к мастеру, чтобы доложить о своем приходе. Тот, видимо, был не в настроении, на Пашу накричали, обвинили его во всех смертных грехах, но никаких других взысканий не объявили. В другой день Паша решил бы, что ему повезло, что он легко отделался. Но не сегодня. Заявление на увольнение по собственному желанию лежало на столе у начальника уже через десять минут. Тот даже не стал спорить и уточнять причины, работников ему хватало, а Паша не был ценным, высококвалифицированным и усердным кадром. Таким образом, еще до обеда заявление прошло все необходимые инстанции.

Ни мать, ни отец этому факту не обрадовались, но Паша заверил их, что знает работу лучше, а главное, прибыльнее. Ему пришлось соврать, чтобы не портить и без того расшатан-

ную нервную систему родителям, особенно матери, которая волновалась за него куда сильнее, чем в годы его раннего детства.

В пятницу вечером Павел отправился в лес, где планировал охотиться на зайцев. Из массы различных, как правдоподобных, так и не очень, вариантов поимки зайца, которые Павел отыскал в сети, он выбрал один из самых ненадежных, но простых в осуществлении.

В сумку с собой он положил капусту и свежей моркови, которой планировал заманить зайца в недавно сколоченную клетку. Взял он с собой и маленькую баночку белой краски, чтобы делать метки в незнакомом лесу. Боясь заблудиться, Паша взял с собой и компас, его он специально купил за приличную для подобной вещи сумму, надеясь на то, что качество напрямую зависит от цены.

В лесу было свежо, приятно хрустели ветки под ногами, дополняя лесную мелодию. До заката оставалось не более трех часов, но лес уже погружался в предзакатные сумерки. Не настолько сильные, чтобы потерять ориентацию в пространстве, но все же Павлу было о чем беспокоиться. Теряться в лесу он не планировал, по плану он должен был установить ловушку и выбраться из леса до наступления темноты.

Чем глубже Паша проникал в лес, тем гуще рос подлесок, тем выше раскидывались кроны деревьев, тем темнее становилось в лесу. Павел взял с собой целых два фонаря, один мощный, взятый на время у соседа, второй поменьше, карманный. Первый Паша берет и собирался применить лишь в крайнем случае, так как его луч бил слишком далеко, а привлекать излишнего внимания Павлу совсем не хотелось.

Выбирать себе путь становилось все труднее, и Паша остановился возле первой попавшейся сосны. Скинув сумку на землю, он принялся устанавливать свою ловушку.

Это была небольшая клетка с захлопывающейся дверцей. Захлопнуться она должна была лишь тогда, когда животное войдет внутрь и зацепит подпорку. Плотность зажатия обеспечивала пружина и крючок, который защелкивался на прутьях клетки по инерции, после падения закрывающейся двери. Над этой клеткой Паша хлопотал несколько дней, подгоняя все детали с тщательностью ювелира. В нее он уже изловил деревенского кота Маркиза, который любил побегать у Паши на огороде. Только после таких полевых испытаний Паша обрел некую надежду на успешную охоту.

Для надежности Паша замаскировал клетку травой так, чтобы издали она походила на кочку. Оставалось надеяться лишь на то, что заяц окажется очень голодным, смелым и глупым.

Лес практически полностью утонул во мраке, Паше пора было возвращаться назад, и как можно скорее. Часы показывали всего половину седьмого, тогда как вышел он в четыре. В лесу наступила ночь, Паше показалось, будто где-то вдалеке заухала сова. Его передернуло, не то, чтобы он боялся природы. Нет. Скорее тех, кто ее охраняет. Лес не являлся запретной для прохода зоной, но и лишних встреч Павел отчего-то сильно боялся. Виной тому были рассказы деревенских охотников, часть из которых вполне могла оказаться враньем, но вот проверять это на деле Паше был не намерен.

Он прошел уже почти половину пути, а может и больше, когда внутри него что-то кольнуло, пронзив тревожной стрелой сердце. Эти странные предчувствия сильно взволновали Пашу, в последнее время он привык доверять им. Лес, как ему показалось, притих, а вот амулет, осколок копья древнего бога, полученный еще там, в прошлом, едва уловимо завибрировал. Если тишину в лесу можно было объяснить, и даже нагрянувшие внезапно тревожные предчувствия, то вот вибрацию амулета, такую отчетливую, Паша объяснить не мог. Амулет никогда не вел себя подобным образом. Незадачливый охотник судорожно сорвал его с шеи, чтобы убедиться в том, что это не обман, что амулет действительно, подобно телефонам, излучает мелкую, непрерывную вибрацию. С ужасом Павел понял, что не ошибся – амулет вибрировал, казалось, все сильнее.

Слева от Паши хрустнула ветка, шагах в пяти от него. Паша достал из кармана фонарик, ему стало безразлично, увидят ли его егеря, скорее наоборот, сейчас он этого сильно хотел.

Спрашивать у темноты, скрывается ли в ней кто-либо, он не стал, лишь тихо, вслед за фонарем, достал из кармана раскладной нож. Он купил его в охотничьем магазине. Оружие весило около трехсот грамм, широкое его лезвие с односторонней заточкой было на пару сантиметров длиннее ладони, а перед ним, на ручке, имелось кольцо для указательного пальца. Оно было не слишком удобным, но гарантировало крепкое удержание ножа при ударе. Нельзя было сказать, что этот нож был лучшим из боевых ножей, но другого у Павла не было.

Робкий лучик света выхватил из мрака спаренные стволы берез. Оттуда, как показалось Паше, и доносились звуки.

Внезапно, прямо оттуда к Паше метнулся сгусток мрака, в свете фонаря это выглядело столь же красиво, сколь и ужасающе. Не более четырех метров разделяло его и дымящийся черными клубнями сгусток, размером с кочан капусты, когда его сознание на секунду отключилось, дав свободу подсознанию и рефлексам. Он выкрикнул заученную короткую фразу на древнем языке и выставил руки вперед. Дословно фразу можно было бы перевести так: «защити мою жизнь». Паша зажмурился и отвернулся. Заклятье должно было создать магический щит, призванный отбивать большинство видов магических посягательств. Так утверждал Иван и прочитанные Пашей книги. Этот способ защиты входил в азы изучения колдовства, но в своей простоте имел и немалый недостаток. Слишком уж много требовалось энергии на сотворение этого щита, еще больше на удержание атаки, в несколько раз больше, чем затратит на заклинье атакующий. Этим и объяснялась его универсальность.

Легкий хлопок и едва ощутимый толчок в ладони, по которым будто прошел заряд статического электричества. Пот проступил на лбу, Паша почувствовал себя уставшим как физически, так и морально. За деревьями мелькнула тень, и Паша перехватил нож для броска.

Ножи он метал регулярно, и в «Богатыре», и дома. Но этот клинок был не пригоден для метания чуть менее, чем полностью. И все же Паша его метнул, сильным, коротким и привычным движением. Легкий вскрик и сильный шорох возле дерева свидетельствовали о Пашиной удаче, он явно попал. Но вот убедиться в положительных результатах броска Паше не хотелось, он сам бросился наутек, да так, будто это был последний забег в его жизни.

Фонарик он выронил, приходилось полагаться только на инстинкты и усиливающийся лунный свет. Несколько раз он чуть не полетел кубарем на землю, цепляясь за корни деревьев, и лишь чудом оставался на ногах. Пришлось бежать, высоко поднимая ноги, это сильно снижало скорость, да и выглядело смешно, но Павлу было не до эстетики.

Погони за собой он не чувствовал, а зажатый в руке амулет уже не вибрировал, но Паша продолжал бежать. Из последних сил. Однако эти силы закончились чуть раньше, чем он наконец-то выбрался из леса на дорогу. Пришлось перейти на быстрый шаг, было тяжело дышать. Вокруг было тихо, лишь легкий шелест листьев и тяжелое дыхание беглеца нарушало ночную тишину. Однако беспокойство не покидало ночного странника, он постоянно озирался вокруг, оглядывая залитое лунным светом поле и дорогу.

Домой он добрался около девяти часов вечера, уже без происшествий. В пути он несколько раз переосмыслил произошедшее, теперь ему казалось, будто в лесу он поддался эмоциям, и что незнакомец не совершал на него никаких атак, уж тем более магических. Но он, в связи с помешанностью на всем оккультном, поддался фантазиям своего подсознания и... убил человека. Что этот человек делал ночью в лесу, Паша мог только предполагать. Он боялся, что из-за своего глупого испуга и помешанности на мистике ему придется сидеть в тюрьме или сумасшедшем доме, однако и возвращаться на место преступления не хотелось, не было сил.

«Завтра, все завтра»: Паша в бессилии рухнул на кровать, но уснуть смог лишь к утру, все перебирая в голове мысли о случившемся.

Проснулся он к полудню, и сразу же в голове градом застучали мысли о прошедшей ночи. Он замычал и зарылся головой в подушку, будто пытаясь укрыть ее от нагрянувших переживаний. Пришлось собраться с мыслями и взять себя в руки. Сегодня он планировал посетить тренировку, пропущенную в четверг. Идти в лес пока что не хотелось.

Дорога до города и самого клуба была насыщена нестерпимым страхом, ему казалось, что его уже преследуют, что вскоре его схватят и обвинят в убийстве, но ничего подобного не происходило.

Никогда не пропускавший занятий Паша был встречен вопросом:

– Ты где пропадал? – Сергей дружески улыбнулся, – Тут в четверг ребята выдавали. Вася Кирилл побил!

– Да ладно?

– Прикинь, на ринге, как положено, – Сергей огляделся по сторонам, будто пытаясь найти объект своего повествования, – Кирилл же выхвалялся своим мастерством, кричал тут, что он самый-самый. Довел Васю, тумачи ему все выписывал да пинки. Тот меч ухватил, говорит: «пошли». На ринг, значит. Кирилл естественно сразу закричал, что убьет нерадивого сейчас, что не уйти ему на своих двух с ринга, а Вася ему там ногу сломал и плашмя по лицу заехал так, что тот два зуба выплюнул. Потом оправдывался, что, мол, споткнулся и все такое, что убьет Васю в другой раз. Да вот только говно он, давно мне не нравится.

– Хм, – Паша усмехнулся, – мне тоже. А Вася молодец, получается, растет!

– Еще и Дима где-то шишку на лбу набил, говорит, что упал, – продолжал программу новостей Сергей, – не похоже на него, сильно пьянствовать, да еще и по будням, но такие дела.

Сердце кольнуло, Паша не сразу смог сделать однозначный вывод, но тот напрашивался сам.

– Это да, – протянул Паша отвлеченно.

Клуб пустовал, все-таки в субботу приходили лишь самые отчаянные и те, кому совсем не сиделось дома. Всего Павел насчитал пять человек, пока проводил обряд приветствия, пожимая товарищам руки. Поздоровавшись со всеми, он сразу же направился в мастерскую. Те двадцать грамм серебра он планировал попытаться наплавить уже прямо сейчас. Дело сразу не пошло, виной тому было то ли отсутствие опыта, то ли низкая реалистичность задуманного, а то и вовсе Пашино крайне не стабильное состояние. Он решил немного отдохнуть и направился к выходу из мастерской. Там он лицом к лицу столкнулся с Димой, на лбу у того красовалась шишка с рассечением. Такое могла бы оставить рукоять не удачно брошенного ножа.

– Привет, – Паша первым протянул руку, и, кивая на шишку, спросил, – Где это тебя так угораздило?

– Упал. Не поверишь, перебрал вчера с виски и как шандарахнулся о двери, возле туалета, там порожек этот дурацкий... – Дима рассказывал историю, будто заучил ее наизусть, как стихи в школе.

– Да, порожек там опасный, особенно для пьяных, – Паша утвердительно кивнул, делая вид, что совсем не сомневается в словах Димы.

– Что ты там мастерил? – заглядывая Паше за спину, поинтересовался глава клуба, – Артем копьё сломал в четверг, нужно новое смастерить. Возьмешься?

– Да, но не сегодня, – Паша не собирался делать копий вообще, – Сегодня я малость устал.

– Без вопросов, завтра сделаешь, – Дима сказал это непринужденно, но взгляд его был испытующим, будто он пытался прочесть Пашины мысли.

– Да, завтра и займусь, – подтвердил Паша в той же манере, едва сдерживая эмоции.

Казалось, будто Дима был удовлетворен разговором, он не стал заходить в мастерскую и пошел к беседке. Однако Паша ясно понял, что не все так гладко. Он был более чем уверен, что именно Дима вчера был в лесу и именно от него Паша убежал, сверкая пятками. Несколько полегчало, ведь он никого не убивал и тюрьма ему не грозила. Но вслед за облегчением нака-

тила и новая волна беспокойства. Ведь теперь стало ясно одно – нужно бежать, и бежать как можно быстрее.

Паша предусмотрительно складывал все свое снаряжение после каждой тренировки, чтобы иметь возможность быстро его забрать. Так было и сейчас, увесистая сумка с его имуществом стояла прямо в мастерской.

В сумке лежал остро заточенный полуторный меч-бастард из каленой стали высокого качества. Сделан он был на европейский манер, с прямым лезвием и не широким долом. За этот меч Паша отдал практически все свои сбережения, большую часть которых заработал на продаже зелий. Таким же покупным был и стилет, который он носил в аккуратных ножнах на правом боку. Все остальное Пашино снаряжение было изготовлено из более дешевых материалов и прямо в стенах «Богатыря» совместно с Никитой. Его Павел уважал за спокойствие и усердность, из всех остальных мастеров клуба Паша более достойного кандидата не нашел. Общими усилиями они смастерили для Паши шлем с бармицей, настолько же тяжелый, сколь и прочный. Кольчужную рубаху со стальными вставками на груди, ее они плели очень долго, стараясь подогнать как можно точнее и плотнее каждое кольцо. Имелись в сумке и сапоги со стальными пластинами, эти тоже пришлось покупать, но некоторые пластины Паша вставил сам. Дополняли Пашин наряд стальные наручи и наголенники, толстые кожаные штаны, которые при случае могли бы выдержать скользкий удар, и войлочный поддоспешник с подшлемником. Сделал себе Паша и копье, но вот древко забирать не стал, слишком уж неудобным для переноски оно было, Паша и без того был загружен под завязку. На другое снаряжение у Паши не хватало денег, но решившись на такой отчаянный шаг, как побег, украсть небольшой боевой топор для Паши труда не составило. Он уже собирался похитить и шестопер, но вовремя опомнился, коня ему с собой в прошлое не забрать, и носить все снаряжение придется на себе. Оставалось последнее – серебряный кинжал. Его у Паши не было и создание его таким нелепым образом, как он задумал, не предвиделось.

В голове мелькнула идея, близилось обеденное время, все наверняка соберутся для проведения онога в беседке, эта традиция давно прижилась в клубе, к тому же погода располагала к подобному. У Паши было около сорока минут, чтобы покинуть клуб вместе с имуществом, оставшись незамеченным. И явно не более пяти часов на все остальное. Паша не знал этого наверняка, но мог предполагать, что у Димы и его ближайших сподвижников обширные возможности и погоня не заставит себя ждать.

По наитию Паша пробрался в личный кабинет главы «Богатыря». В этот кабинет очень редко входили посторонние, это было Димино условие, здесь он уединялся и очень не любил, когда кто-то ему мешал.

На стенах висели дорогие выставочные мечи, копья и другое оружие. На дальней стене красовалась медвежья голова, скаля зубы прямо в лицо входящему, на секунду Паше показалось, что зверь может и ожить, слишком уж напряженной была ситуация. Однако ничем, кроме оскала, медведь похвастаться не мог и безмолвно продолжал висеть на стене. Не было и других, по крайней мере, видимых охранных систем. Убедившись в этом, Паша приступил к грабежу, решив, что терять ему уже нечего.

Первым делом в карман отправились какие-то пять камней, которые лежали в забытой на столе открытой шкатулке. Видимо, они были очень ценны, так как шкатулка была снабжена увесистым замком и хранилась наверняка в сейфе, который, к слову, был также открыт. Складывалось ощущение, что Дима уходил из кабинета впопыхах, будто куда-то спешил. Пашу это не обрадовало, ведь получалось, что хозяин мог вернуться в любой момент. Паша быстро метнулся к сейфу, там не было ничего, что могло бы его заинтересовать. Бумаги, быть может ценные, несколько стопок купюр в различной валюте. В другой ситуации Паша взял бы деньги, но они ему не были нужны, вряд ли какая-то сумма поможет ему, если его план прогорит. Если же все пройдет удачно, то и бумажные деньги ему не пригодятся. Паша взял лишь несколько

купюр, на всякий случай. От сейфа он торопливо перешел к выставочным полкам. В основном на них были представлены хоть и красивые, но явно бесполезные безделушки. Паша подозревал, что некоторые из них вполне могут оказаться магическими, но брать их, не зная предназначения, Павел не решался. Лишь спустя несколько секунд раздумий он схватил какой-то амулет и уже почти закинул его в карман, как вдруг его взгляд наткнулся на то, что он искал. На одной из полок красовался кинжал, его рукоять была инкрустирована разноцветными, наверняка драгоценными, камнями. По лезвию темными линиями тянулись узоры, их изгибы были похожи на пляшущие языки пламени, Паша даже засмотрелся на узор, забыв обо всем. Однако быстро справился с наваждением и схватил кинжал, спрятав его поглубже за пояс, стараясь расположить его так, чтобы не пораниться.

Он даже не верил своей удаче, ведь этот кинжал совершенно точно был серебряным, а не стальным, в этом Паша убедился, приложив к нему маленький магнитик, который всегда носил с собой, чтобы проверять качество товара, приобретаемого из сомнительных источников. Дальше грабительствовать Паша не стал, слишком дорого было время.

Добраться незамеченным до мастерской не удалось, во дворе его встретил Сергей.

– Паша, ты где пропал? – Сергей, видимо, именно за Пашей и шел в мастерскую.

– Да я в сортире был, съел чего-то не того, – Паша моментально нашелся со своей ложью, выглядя при этом абсолютно естественно.

Впрочем, Сергей ни в чем Павла и не подозревал, он всего лишь усмехнулся, пошутив по поводу Пашиной любви к поеданию различных непригодных в пищу предметов и, после заверений, что все нормально, двинулся обратно к беседке.

– А вы там все сидите? – как бы невзначай поинтересовался Паша.

– Да, только тебя и не хватает, – Сергей не увидел в вопросе ничего особенного, – Пойдем?

– Ты иди, я минут через пять подойду, мне тут надо разобраться с одним вопросом.

К счастью, Сергей навязываться не стал, лишь еще раз поторопил Пашу и удалился.

Этого Паша и ждал. Быстро схватив сумки, где покоилось его снаряжение, он ускоренным шагом двинулся в обход дома к воротам, чтобы не попасться никому на глаза. Дойдя до ворот, он понял, что открывать их слишком долго и шумно, пришлось попотеть, стараясь аккуратно перебросить сумки через ворота, а затем и самому перебраться вслед за ними.

Предусмотрительно вызванное такси ждало его возле магазинчика неподалеку. Домой он добрался без происшествий, разве что пришлось отдать круглую сумму за такой переезд на такси, но Паша не зря взял немного денег из Диминого сейфа.

Дома его мать как обычно хлопотала на кухне. Паша не заметил никаких признаков погони или засады, а потому решил зайти на кухню.

– Ой, ты уже вернулся? – Лидия Петровна оторвалась от мытья посуды, – Кушать будешь?

– Да, мама, – вопреки обычному отказу, Паша согласился.

Он понимал, что сейчас настало время прощаться, и, как предполагалось, надолго, может и навсегда. Самое трудное в этом предприятии было не добыть кинжал или зайца, не изучить приемы боя и пройти через ежедневный труд по самосовершенствованию. Самым трудным было прощание с этим миром, с родителями, с тем, к чему он привык и, наверно, очень любил. Ведь он не имел возможности объяснить им, куда и зачем он собрался. Не мог даже намекнуть.

И сейчас он жевал макароны с котлетами, заедая это салатом из огурцов, помидоров и лука, пытаясь при этом найти нужные слова, которые могли бы объяснить его предстоящее исчезновение.

– Мам, – он оторвался от тарелки, – Я сегодня уезжаю с клубом... В Германию.

Паша выдумывал свою ложь прямо на ходу, конечно, он и раньше прорабатывал некоторые идеи по этому поводу, но ничего конкретного так и не выдумал.

– А... А как же работа? – Мать выглядела удивленной и обеспокоенной, она не слишком одобряла Пашины увлечения, постоянно пытаясь его поженить на подсовываемых невестах, чтобы все было как у людей, – И надолго ты едешь?

– Да, может на месяц, а может и больше, – Паша старался говорить это непринужденно, стараясь не подкреплять материнских опасений.

– И что вы там делать будете? На что ты там будешь жить?

– Хватает у меня денег, это и есть моя работа.

– Что, опять своими отварами торговать будешь? Так и не сказал, откуда берешь их, сидишь на своем чердаке, непонятно чем занимаешься! – Было видно, что Лидия Петровна может прямо сейчас расплакаться, – Что с тобой происходит, неужели правду говорят люди?!

– А что они говорят? – Паша бросил вилку, аппетит пропал, тихое прощание сорвалось, – Что эти дибилы говорят? Что они вообще могут, кроме как молотить языками? Что они могут, кроме как жрать собственное дерьмо, называя это нормальностью и клеймить каждого больным, кто жрать этого дерьма не хочет? Если человек только лишь ради того, чтобы его не общептывали сзади, должен отречься от себя и собственных убеждений, то я тогда не человек, не тот, кого вы привыкли так называть. Уезжаю через час.

Резко встав из-за стола, Паша почти выбежал из кухни. На душе было гадко. Он не хотел расстраивать мать, не хотел прощаться таким образом. «Но все вышло, как вышло...»: мелькнуло в его голове.

На чердаке его ждал заранее собранный рюкзак. В нем покоились необходимые для обряда вещи, костюм, почти такой же, как тот, что дал ему Еремей в первый день его путешествия.

Сшить этот костюм он попросил местного портного, к Пашиному удивлению, тот не задавал вопросов и быстро выполнил заказ, в точности соблюдая просьбы заказчика. Рубаха была усовершенствована внутренними карманами. Появились карманы и на штанах, прилагался к костюму и пояс.

Кроме этого в рюкзаке лежало около килограмма различной косметики, в основном помады, пудры и зеркальца. Это была часть плана, который Паша составил с целью заработка в том мире. Дешевая косметика будущего вполне сойдет для лица королевы, княгини и прочих платежеспособных барышень прошлого.

Взял он с собой и несколько полезных мелочей, вроде зажигалки, компаса, фонарика с батарейками. Раскладной нож, запас продуктов на несколько дней, свечи, деревянная ложка, серебро, которое так и не пошло на кинжал, парикмахерский набор ножниц и бритв завершали Пашин набор вещей, для путешествий в прошлое. Хотелось взять как можно больше, но Паша себя сдерживал, всего на себе не унести, а привлекать излишнее внимание *там* – ни к чему.

С отцом Паша прощался недолго. Уже вынеся все с чердака, он просто забежал в зал, где отец смотрел телевизор.

– Куда? На войну? – спросил отец, увидев заплечный рюкзак на сыне.

– Что-то около, – усмехнувшись, ответил Павел.

Будто все понял, отец лишь окинул сына коротким взглядом, встал с дивана, и, похлопывая Пашу по плечу, произнес:

– Ну, иди, сын.

– Пока, пап.

Паша развернулся и ушел. По пути решил все-таки зайти на кухню, мать уже успокоилась, но на щеках виднелись следы от слез, выдавали ее и красные глаза.

– Мам... – Паша подошел ближе, – Я поеду. Вернусь. Не навсегда же еду.

Паша врал, ведь он не мог знать, вернется ли. Да и уедет ли вообще.

– Езжай, – тихонько сказала мать и встала со стула, – Давай положу тебе с собой чего-нибудь.

– Не надо, у меня все есть.

– Как так? Голодный поедешь?

– Да, мам, голодный, – Паша усмехнулся и обнял мать.

Они постояли так всего несколько секунд, а после, без слов, чтобы не разрушить этого ощущения завершенности, Паша вышел из кухни, а затем и из дома.

Тянуть на себе тяжелый рюкзак и две не менее тяжелые сумки было весьма непросто. Паша пыхтел, но не останавливался. Дима уже наверняка заметил пропажу вещей и самого Паши, а значит, он уже в пути.

В лес за зайцем Паша решил не идти, это могло отнять слишком много времени, к тому же Дима, быть может, станет ждать его именно там. По пути Паша поймал кота. «На зайца он не похож, но в заклинании не сказано, чью именно жизнь я приношу в жертву. Иван тогда зайца резать собирался, потому что мы его поймали удачно. Сойдет и кот»: размышлял про себя Паша, выходя из деревни.

Ничего не подозревающий кот вполне спокойно сидел в сумке, высунув голову наружу. До леса Павел не дошел, свернул чуть раньше, чтобы не приближаться к старому маршруту. Остановился он прямо посреди поля. Еще не было и пяти часов вечера, когда Паша начертил на земле круг диаметром около трех шагов. В круг он вписал ромб, а в центре последнего разместил еще один круг, где и должен был стоять заклинатель. В разделенных частях большей окружности он вписал все символы древнего алфавита, а в центральной окружности вписал собственный.

Перед тем, как приступить непосредственно к обряду, он облачился в доспехи, а остальные вещи упаковал в сшитую из мешковины сумку, которую он смастерил, чтобы соответствовать тому времени, в которое направлялся. Свои сумки и рюкзак он спрятал под старыми бетонными плитами, что уже долгие годы лежали неподалеку. Мобильный телефон и прочие атрибуты своего времени он и вовсе оставил дома.

В последний раз окинув взглядом окрестности, то ли чтобы убедиться, что никого рядом нет, то ли прощаясь, Паша закрыл глаза и начал читать заклинание. Монотонно, словно молитву, словно заученное стихотворение в исполнении бесталанного школьника. Представлял себе Паша дом Еремея, ту деревню и ее окрестности. Всей душой он стремился туда, слова слетали с его уст сами, уже не по Пашиной воле, будто заклинание имело свою волю, и Паша был лишь ее инструментом.

Во второй части, заключительной, Паше нужно было прочесть еще два четверостишия на древнем языке, затем лишить кота жизни, и, в общем-то, переместиться в назначенное время и место.

Кот, видимо уже почувствовал неладное, он шипел и старательно царапал плотную кожаную перчатку, в которую Паша предусмотрительно упрятал руку.

– Пусть эта жизнь дарует новую! – вскричал Паша, будто хотел, чтобы его услышали там, куда он собирался.

Стоя внутри круга, он совсем не видел, что творится вокруг, будто находясь в коконе, не пропускающем звуков и света. А вокруг неистовствовала целая буря, возникшая из ниоткуда, при чем ровно над тем полем, где и колдовал Павел. Тучи стянулись над заклинателем, выплевывая колкие молнии, казалось, одна из них может поразить и самого заклинателя. Крупные капли били по земле, но, почему-то, совсем не попадали на самого Павла, находящегося в эпицентре аномальной непогоды. Не размокала и земля внутри круга, ни один из символов не был стерт или размыт.

– Стой, сука! – неистово вопил кто-то, стремительно приближаясь к Паше.

И этот звук был пропущен доселе непробиваемым щитом. Паша на короткий миг утерял концентрацию, а допускать подобного при проведении таких обрядов было никак нельзя. Но

оборачиваться Павел не стал, быстро отогнав посторонние мысли, он полоснул кинжалом горло кота. Тот шипел и извивался, щедро поливая все вокруг своей горячей, еще живой, кровью.

– Стой! – протяжный клич прозвучал прямо за Пашиной спиной, но в этот раз он остался неслышанным.

Паша не слышал, не видел и не чувствовал вообще ничего. Времени, пространства, жизни, движения. Вокруг не было ничего, не было и того, что можно было бы назвать «вокруг». Не было его самого.

Последняя молния ударила точно в центр заклинательного круга, но тот был уже пуст. Следом за молнией в центр круга погрузилось острие топора, глубоко уйдя в грунт. Кто-то не успел.

Глава 3.

Паша очнулся лежа на земле, но уже не в том поле, где его сознание отключилось. Вокруг стояла неимоверная жара, все Пашино тело было мокрым от пота. Ноги в плотных боевых сапогах, как казалось, минимум обуглились и тлели. Вероятно, Паша лежал прямо на солнце, да еще и в самый солнцепек, который, впрочем, в конце октября был странным явлением. В правой руке по-прежнему был зажат кинжал, так и не выпущенный во время обряда, а вот кот бесследно исчез, не было даже следов его крови, и только чуть потрепанная когтями перчатка напоминала о животном, бесславно окончившем свой земной путь.

Позвякивая кольчугой, странник поднялся на ноги и осмотрел себя, мешок с вещами был при нем, за плечами. На месте было и другое его снаряжение, никаких пропаж Павел не обнаружил.

«Это не то поле...»: Паша стоял даже не на поле, это был пролесок, а Паша стоял прямо на маленькой поляне, на которую тень деревьев почти не попадала. Его тут же охватила радость, ведь не могли же его сюда занести какие-нибудь незнакомцы, не ограбив, а просто оставив тут погреться на солнце. То, что он очнулся не на месте проведения обряда, означало лишь одно – заклятье сработало и он опять в прошлом. Либо опять в коме. Но ему было плевать, что творилось там, главным стало то, что происходит здесь и сейчас. А здесь и сейчас ему нужно было выйти к людям и узнать, попал ли он точно в цель или же промахнулся, все-таки подобного рода обряды Павел никогда не проводил, к тому же ему пытались помешать.

Из леса Паша вышел без проблем, так как находился не в лесной чаще, а на самой границе лесного массива. Бряцая доспехами, Паша выдвинулся на запад, доверившись своему компасу. Щит он повесил за спину, так, чтобы иметь возможность быстро его снять. Перевязь с мечом слегка постукивала по левому бедру, играя с лучами солнца стальным шаром на рукояти. Кинжал же Павел спрятал поглубже в сумку, предварительно обернув тряпицей, такое оружие представляло немалую ценность, причем не только денежную. Паша знал несколько обрядов, где без такого кинжала было не обойтись, а потому терять его не хотелось.

«Все-таки я маг»: весело размышлял Паша, пребывая в полной уверенности, что теперь он может управлять силами природы ничуть не хуже Ивана, Еремея или любого другого мага. На секунду он остановился, решив проверить свои магические способности, на этот раз без всяких двусмысленностей. До этого он не решался взывать к стихии огня, это было бы слишком очевидно, да и опасно, в случае удачи. Но сейчас он уже не боялся, сейчас он был если не полностью, то почти полностью уверен в успехе предстоящего мероприятия.

Короткий взмах рукой и громкий вскрик на древнем языке сопровождала и яркая картинка, которую Паша нарисовал в своей голове. Это был огненный шар, который должен был бы слететь с его руки и устремиться к ближайшему дереву. Паша даже не до конца понял, представил он шар или же видел его наяву. Но дерево пылало, и Паша как ребенок смотрел на пожираемое огнем безвинное растение. В глазах его был восторг, подобный тому, что можно испытать, глядя на поистине захватывающие события, будь то феноменальное выступление акробатов или же победа любимой команды. Тут же просто горело дерево, ставшее жертвой новоиспеченного чародея, который, того и жди, спалит теперь весь лес.

Но Павел вовремя одумался, поняв, что в лесу деревьев много, и если горит одно, то есть все шансы, что загорится еще несколько. Пришлось тушить первое, причем также заклинанием. Явно не меньше десяти литров воды пришлось вылить на дерево, чтобы оно окончательно погасло, благо оно было вполне живым до своего неожиданного возгорания, и горело плохо. Однако теперь Паша почувствовал себя уставшим, воду заклинание творило прямо из воздуха, так как водоема поблизости не было. Лишь после Паша подумал о том, что огонь

можно было потушить и иными способами. Но это было потом, когда он вспомнил поучения Ивана.

«Силы нужно беречь, потратив силы, ты перестанешь быть не только магом, но и воином»: говаривал старый учитель, втолковывая ученику простую науку – сразу думай, потом делай.

Убедившись, что огонь угас, Паша двинулся дальше, теперь уже довольно вяло передвигая ноги. Не успел он преодолеть и сотни метров, как понял, что за ним кто-то следит. В голове будто щелкнуло, где-то поблизости затаилась опасность. Усталость мигом улетучилась, вместе с хлынувшим в кровь адреналином. Испуг закинул его за ближайшее дерево, и уже через миг рядом прожужжала стрела. Паша услышал звук вновь натягиваемой тетивы и ее хлопок. Заранее вскинув руки в защитном жесте, он заклинанием уплотнил воздух перед собой так, чтобы стрела не достигла цели, увязнув «в пустоте», она не долетела всего несколько сантиметров.

Пока невидимый противник не приготовил новую стрелу, Паша быстро снял со спины щит и вынул меч из ножен. На другое колдовство у него могло бы не хватить сил, Паша решил попытаться управиться со стрелком честной сталью. Зигзагами он двинулся в сторону, где предположительно притаился лучник. Паша отчего-то был уверен, что враг у него всего один. По крайней мере, только у одного был лук. Не могло ли притаиться за кустами с десятков воинов, Паша не думал.

Еще одна стрела пролетела совсем рядом, Паша чуть отвел ее коротким воздушным потоком, вовремя заметив выстрел. Эти магические пассы порядочно истощили Пашу, и, к тому же, одетому в легкую обтягивающую рубашку и такие же штаны, стрелку, он добегал уже с плохо скрываемой одышкой и заливающим глаза потом.

Выпустить очередную стрелу Паша не позволил, широко взмахнув мечом. Светловолосый лучник едва успел отскочить, кувыркнувшись в сторону. Лук он выронил, но успел выхватить из ножен короткий, легкий меч.

Соперник показался Паше быстрым, но скорее это было связано с разницей в весе снаряжения и Пашиной усталостью. Но даже сейчас Паша ощущал превосходство в силе, и, пожалуй, в умении. Противник был на голову ниже Павла, к тому же куда уже в плечах. В какой-то момент Паша даже подумал, что это девушка, но слишком уж неподходящим для девушки у того было лицо.

Стрелок попытался уколоть Павла в живот, но тот легким движением руки отбил меч и пихнул соперника щитом, задев лицо. Из носа лучника брызнула кровь, но он не упал, лишь пошатнулся и отступил. Хоть и выглядел он заведомо побежденным, но продолжал сопротивляться, и даже пытался оставаться агрессором. Паша же не спешил атаковать сам, стараясь восстановить дыхание. Светловолосый широким размахом попытался рубануть противника, но тот прикрылся щитом. Короткий меч перерубил торчащую из щита стрелу и брякнулся о стальную пластину в центре. Паша даже усмехнулся, таким легким показался ему этот удар. Особенно в сравнение с теми, что прилетали на его щит в «Богатыре». Нельзя сказать, чтобы лучник бил совсем слабо, просто Паша привык к тому, что после каждого удара рука под щитом непременно гудит и стонет.

На Пашином лице проступил звериный оскал, чувствуя слабость соперника, он мощным ударом выбил клинок из его рук и хорошенько приложился прямым ударом ноги к его груди, впечатав того в дерево, мирно растущее сзади.

Было видно, как светловолосый беспомощно пытался вдохнуть воздух, словно рыба, шевеля губами.

Павел победоносно подвел кончик лезвия к подбородку поверженного противника.

– И зачем ты меня пытался убить?

Отдышавшись, лучник, не дергаясь, поднял подбородок и гордо взглянул на Пашу, словно бесстрашный рыцарь в глаза смерти. Так гордо, что последующих за взглядом слов Паша никак не ожидал:

– А зачем ты деревце поджег, колдун?! – чуть ли не багровея от ярости, вскричал белокурый, – Вам лишь бы развлечь себя огнем, мерзкие люди!

– Чего? – протянул Паша, пытаясь осознать услышанное.

«И как мне тебе пояснить, зачем я это сделал?»: подумал Паша, а вслух сказал:

– Ну, прости, я не знал, что тебя это так тронет, – Паша поправил шлем, не отводя меча, – И... В общем я проверял свои, эмм, способности. Не ради забавы я поджигал дерево, к тому же я его потушил.

– Все вы люди такие! Ноги бы себе поджег, а потом бы тушил, для проверки!

– Да чего ты разревелся, деревце сожгли, беда какая, – Паша стал возмущаться сам, хотя бы по праву сильнейшего, – И заладил ты, люди-люди, а ты кто?

– Я сын Соноры Стремительной Рыси и Яна Героя Ночи, Мигэль Незаконнорожденный! – лучник чуть замялся, – Человек я лишь наполовину, а наполовину эльф.

«Хм, Сонора это же королева эльфов, а Ян это... Ян. Паренек выглядит лет на двадцать, хотя черт их знает, этих эльфов. Значит, я все-таки промазал»: пронеслось в Пашиной голове. Он тут же убрал меч и присел на корточки, возбужденно глядя эльфу в лицо:

– И где сейчас Ян, твой отец?

– Должно быть, он умер, я его никогда не видел, – казалось, что эльф готов расплакаться.

Паша не стал перебивать его, когда тот принялся рассказывать историю своей жизни. Мигэль родился ровно через три с половиной месяца после визита в их деревню Еремея и компании. Сонора так и не признала никого своим мужем, таким образом, ее сын был признан незаконнорожденным, лишенным прав наследовать трон, стать друидом и прочих привилегий, какими ему положено было бы обладать. Рождение от семени человека было как чудом, так и проклятием, Сирэль Могучий Олень в конечном итоге узурпировал власть, обвинив королеву в недостойном правительницы поведении, в осквернении идеалов эльфов и тому подобном. И лесной народец пошел за новым лидером, наверно, больше из скуки, так как на самом-то деле королева имела право возлечь с кем угодно, правда, после ей нужно было бы найти мужа. Наверно, это и стало единственной весомой причиной, чтобы Мигэля в возрасте пятнадцати лет приговорили к смерти, а королеву отправили в изгнание. Все мужчины согласились с таким решением, так как Мигэль унаследовал от отца все то, что так нравилось местным женщинам, что делало остальных попросту неконкурентоспособными в сравнение с бастардом. Да и говорил он «по-человечески», свободно выговаривая и глухие, и свистящие звуки, что делало его чужим. И если к гостям эльфы относились хорошо и были готовы терпеть посягательства на своих женщин, то терпеть подобного уже от «своего» были не готовы.

Мать, свергнутая королева эльфов, чтобы спасти своего сына, и по сути, одно из величайших чудес природы, погрузила его в сон сильным заклятием, которое сохраняло молодость, «обращая век в год». И спрятала его тело в древе жизни, которое, собственно, не отрекалось от нее, в отличие от соплеменников, а потому предоставило защиту и ее сыну. Но, видимо, в последствие из древа Мигэля все-таки вынули, так как очнулся он недавно, и совсем не в лоне священного древа.

– Вот, месяц уже по лесам брожу, к людям не выхожу. Они говорят на непонятном языке, да и боюсь я их.

– А оружие ты где взял? – Паша задал вопрос лишь затем, чтобы иметь время на обработку уже полученной информации.

– Ну, так в похоронное бревно мамочка уложила все для меня.

– В бревно?

– Да, сразу она меня уложила в бревно, а уж потом в Древо Жизни. Всех эльфов хоронят в бревне.

– Ясно, – Паша едва сдержал улыбку.

Мигэль производил двойное впечатление, на вид он был не намного моложе Павла, но видел странник во времени перед собой простодушного ребенка, испуганного и потерянного.

– А ты, колдун, откуда? – отряхиваясь и вытирая кровь из-под носа, спросил Мигэль.

– А я один из тех двоих, что пришли в деревню вместе с твоим отцом.

– Что? – эльф вылупил глаза так, что они едва не выкатились из глазниц, при этом он старательно хлопал своими пушистыми ресницами.

Паша отметил про себя, что Мигэля можно было бы сравнить с женоподобными слащавыми мальчиками с картинок. Большие, широко распахнутые глаза, маленькие пухлые губы, чуть курносый нос и длинные светлые волосы, ниспадающие на тонкие плечи.

– Долго объяснять, но... Слушай, – Паша усмехнулся и принялся рассказывать историю уже своей жизни.

Вкратце он описал весь свой путь, от первого странствия во времени и пространстве, и заканчивая нынешним днем. Он старался подробнее останавливаться на описании Яна и их пребывания в деревне, чтобы после избежать лишних вопросов. Но вопросов все равно было много. Битый час Паша объяснял эльфу, что колдуном он стал не более как пару дней назад, что в этом мире он уже второй раз и впервые попал сюда по воле случая. Что о судьбе Яна он ничего конкретного сказать не может, так как сам «погиб» в той передрыге. В конечном итоге Мигэль вроде бы успокоился, и задавать вопросы начал сам Павел.

– Говоришь, люди тут общаются на непонятном языке?

– Да, не так как у нас в деревне, совсем не похоже.

– И ты не знаешь, сколько времени ты был под заклятьем, сколько ты спал?

– Вообще не знаю, – морщась, эльф ощупывал нос, – Даже где мы находимся, не знаю. Эльфов в лесу нет, только людские лесопилки. Ты мне нос сломал!

– Да? – Паша вдруг захотел попробовать другой вид магии, – Дай-ка посмотрю.

Он сосредоточился на поврежденной переносице, как учил Иван, уделявший целительной магии куда больше времени, нежели другим ее видам. Нужно было увидеть перелом сквозь кожу и кровь, и войти в нужное состояние было непросто. Мигэль даже устал стоять неподвижно и чуть повел головой. Как ни странно, но это и помогло Павлу, он наконец-то сосредоточился на вершимои магии и увидел излом кости, сквозь набухающую синяком кровь. Можно было убрать и опухоль, но Паша боялся потратить много силы, а потому ограничился лишь сдвигом кости. Хрустнуло. Мигэль закричал и схватился за нос, проклиная Пашу, его щит, магию и все что с ней связано. Паша мог бы и облегчить боль эльфа, но делать этого не стал, так как едва преодоленная усталость вновь вернулась, надавив на Пашу с новой силой. За ней пришел и голод, видимо Паша не только переусердствовал с магией, но и немалое время провалялся без сознания.

Получеловек наконец-то встал с колен и укоризненно поглядел на Пашу:

– Мог бы и предупредить, – отряхнув свои штаны, эльф шмыгнул носом, – хоть нос исправил, и на том спасибо.

– А мог бы и не вправлять. И даже не ломать, если бы в меня кто-то не стал пулять из лука, – Паша снял сумку с плеч, чтобы достать что-нибудь перекусить.

Но перед едой Паша решил спросить у Мигэля, нет ли у него жилища тут неподалеку.

– И где ты живешь?

– В лесу построил себе шалаш, в нем и живу.

– Пойдем тогда в твой шалаш, – Паша закинул сумку обратно за плечи, – далеко?

– Нет, не очень.

Паша надеялся, что шалаш действительно близко, однако шли они по лесу никак не менее часа, отчего Паша совсем выбился из сил, понимая, что очень голоден, и нуждается в восполнении сил. Во рту пересохло, однако это было не последствием применения магии, в этом была виновата дикая духота, стоявшая в лесу.

– Какое сейчас время года? – вытирая пот со лба, поинтересовался Павел.

– Судя по жаре, сейчас должно было бы быть лето, но прошлую неделю лили дожди и было прохладно, будто осенью. Я видел, что с деревьев опадают листья, лес готовится к зиме, наверно сейчас октябрь, правда непонятно, почему такой теплый, – ответил Мигэль.

Зато Паша начинал понимать, отчего солнце светит так ярко, и жара стоит даже в лесу, в тени деревьев. Поначалу он не обращал внимания на сам лес, на его флору. А лес был непривычным, не таким, каким он его привык видеть у себя на родине. Паша явно находился куда южнее, чем те места, куда он планировал попасть. Паша не был великим биологом и географом, но понимал, что скорее всего угодил куда-то в южную часть Европы, правда, понять куда именно он попал, пока что возможности не было.

Шалаш Мигэль смастерил вполне приличный, Паша даже не ожидал, что эльф сможет соорудить себе конструкцию таких размеров, где потолок на целый десяток сантиметров возвышался над Пашиной головой. Пол был устлан мягкой травой и еловыми ветками, дающими неповторимый запах. К тому же рядом с шалашом возвышалось раскидистое дерево, на котором эльф обустроил наблюдательный пункт и лежак, чтобы спать там в непогоду или же спасаясь от диких хищников.

– Ты голоден? – Паша надеялся, что аппетит Мигэлю достался от матери, ведь запасы были скудны.

К счастью, Паша оказался прав.

– Да, уже пора перекусить.

С этими словами эльф извлек из недр спрятанной в шалаше сумки мешочек с орехами и глиняный кувшинчик с водой. Паша же достал вяленую колбасу с хлебом и сыром. К счастью еда и не думала портиться, впрочем, Паша не брал с собой скоропортящихся продуктов, отдав предпочтение крупам, специям, сушеному мясу и даже взял с собой несколько пачек вермишели быстрого приготовления. Взял он с собой и двухлитровую бутылку газировки, глотнув которой Мигэль долго не мог сказать ни слова, ожидая смерти.

– Это точно не яд?

– Нет, – Паша смахнул проступившие на глазах слезы, поведение эльфа сильно его расшемило, – Вообще-то этот напиток считается очень вкусным, его все пьют.

С этими словами он сам демонстративно отпил из бутылки. После они развели костер и вскипятили воду в глубокой миске, которую Павел привез из будущего. Тогда Паша угостил эльфа и растворимым кофе, его, в отличие от газировки, Мигэль признал напитком богов. К сожалению этого напитка богов Павел взял с собой немного, всего одну стограммовую упаковку да кило сахара в придачу.

Тогда Паша показал эльфу зажигалку, компас, раскладной нож, фонарик, зеркальце, которое планировал продать местным женщинам. На каждый предмет эльф смотрел с восторгом, замирая от удивления. Подаренную ему дешевую пластиковую расческу Мигэль бережно уложил под рубашку, долго благодаря Павла, даже позабыв о сломанном носе.

Когда совсем стемнело, Паша даже не подумал о том, чтобы доверить эльфу ночное дежурство. Все-таки он решил быть осторожным до конца, поэтому остался сам сидеть у костра, но усталость подкралась незаметно, будто неуловимый грабитель, и Пашу сморило прямо у костра. Проснулся он на рассвете, Мигэль все еще спал.

«Вещи на месте, эльфенок тоже, значит, все хорошо»: подумал Паша, набирая воду из ручейка неподалеку от лагеря.

Кружка кофе не сильно-то и взбодрила Павла, но помогла отойти ото сна тем, что была очень горячей. Не смотря на дневную жару, ночи здесь были холодными, и чувствовалась приближающаяся зима. Впрочем, и днем жара была бы вполне терпимой, если бы Паша не был облачен в толстый поддоспешник и десяток килограмм стали. Однако снимать доспехи не хотелось, во-первых их куда легче носить на себе, чем в руках, а во-вторых они куда лучше могли бы защитить от посягательств потенциальных врагов, нежели рубаха и тонкие штаны.

На завтрак Паша кое-как смог сварить себе гречки и съел ее с куском колбасы и сыра. Мигэль позавтракал все теми же орехами и корнеплодами из собственных запасов.

– А теперь пора нам к людям, – сказал Паша, – В лесах я жить не намерен, а значит, нужно искать ближайшие поселения.

– К людям? – казалось, эльф не просто удивлен, а скорее напуган.

– Конечно, к людям, – Паша уже полностью собрал свои вещи, – Ты только уши свои спрячь, чтобы лишних вопросов нам не задавали, а там уже посмотрим, что и как.

Эльф отчего-то безропотно повиновался Павлу, да и вел себя так, словно Паша его верный товарищ. Впрочем, Пашу это устраивало и спутник, каким бы странным он не был, ему был нужен. К тому же Мигэль сын Яна, а о Яне у Паши были только светлые воспоминания, потому бросать этого эльфа на произвол судьбы ему никак не хотелось.

Он условились представляться путешественниками. Мигэль должен был стать Пашиным молчаливым племянником, который странствует со своим дядей. Об изменении имен они пока не подумали, так как не имели понятия, что за имена им взять, чтобы не вызвать подозрений.

По окраине леса шла дорога, сплошь покрытая тонкими колеями, что оставляют колеса возов и телег. Едва ли путники прошли по ней и тройку километров, как впереди показалось село, раскинувшееся на склоне холма. Всего домов на двадцать, село казалось небольшим, но выглядело весьма оживленным.

Вооруженных людей Паша не заметил, это его успокаивало, ведь быть убитым так быстро ему совсем не улыбалось.

Сельчане заметили чужаков еще на подходах к поселению, но беспокойства не проявили, видимо, по этой дороге не редко кто-то проходил, впрочем, это было понятно и по разбитости дороги. На окраине деревни имелся и постоялый двор. То, что это именно он, Паша понял, взглянув на едва покачивающуюся вывеску, на которой был изображен свиной окорок на блюде и какая-то надпись. Понять ее Паша не смог, буквы отдаленно напоминали греческие, но определить их принадлежность наверняка Паша не мог. Паша пристально смотрел на надпись, в какой-то момент буквы стали казаться ему знакомыми, но его отвлек Мигэль:

– Смотри, к нам идут.

К путникам действительно приближались, но, очевидно, с добрыми намерениями. Это был хозяин ночлежки и его слуга, видимо, конюх, если судить по запаху, исходившему от него. Правда, коней у странников не было.

Приблизившись, хозяин гостиницы радушно развел руками и заговорил, однако Паша не понял ни слова, только почувствовал в себе ощущение магии, будто прямо в эту минуту он творил заклятие. Но никаких заклинаний Паша творить даже не думал.

– И что он говорит? – тихо пробормотал Паша.

– Говорю, не желаете ли передохнуть с дороги, или, например, приобрести коней? – хозяин растекся в улыбке, его опасения о незнании гостями языка стали рассеиваться, – У меня самые лучшие кони, нигде в округе вы не сыщете подобных скакунов. Я даже удивлен, что благородный господин лишился только коней стараниями этого мерзкого разбойника Марка Черного. Я угадал, вы попали к нему в засаду?

Паша хоть и был ошарашен внезапным даром мгновенного изучения чужих языков, но от предложенной лжи не отказался.

– Да, нас ограбили...

– Но сохранили жизнь и не разоружили вас и вашего спутника, а это самое важное, ведь благородный господин сможет собрать большой отряд своих воинов и отомстить разбойникам, навсегда избавив окрестные земли от их гнета, не так ли?

– Эмм... мой дом далек отсюда, но рано или поздно я обязательно отомщу им, безусловно, – Павел был слишком растерян и не подготовлен, чтобы быстро вжиться в роль.

Стоит заметить, что оружие сделанное в «Богатыре» выглядело достойно и качественно, в особенности по меркам местной металлургии и оружейной промышленности. Это и выдавало в Паше благородного, богатого господина. Плюсом являлось и умное выражение лица, Пашина осанка, над которой он работал долгое время перед зеркалом, аккуратная стрижка и белые зубы. Таким образом принять его за персону знатного происхождения, которая обязательно имеет какую-нибудь маленькую армию или золото на наем оной, было очень просто. К тому же хозяин старательно и достаточно ловко выуживал информацию, пытаясь понять, платежеспособен ли его гость.

– И все золото у господина похитили мерзкие разбойники? – сокрушенно покачивая головой, возмутился хозяин.

– Золото да, но найдется у меня и иной способ оплаты твоих услуг, – заверил его Павел.

– Интересно, – хозяин учтиво поклонился и пригласил гостей следовать за собой.

Украдкой к Павлу подобрался Мигэль, и шепотом спросил:

– А ты что, их язык знаешь?

– Выходит, что знаю, – Паша и сам не понимал, каким образом он общается с хозяином ночлежки, но факт оставался фактом, Паша в совершенстве знал как минимум два языка, и каждый казался ему родным, привычным с детства.

Впрочем, сейчас Пашу волновало совершенно иное, ему нужно было узнать, где они и какой сейчас год, хоть он и понятия не имел, в какой год он попал в прошлый раз, ибо та цифра, что называли ему сельчане и сам Еремей, никак не вязалась с его познаниями в истории. Удалось лишь уяснить, что новый бог начал свое нашествие в этот мир примерно четыреста лет до прибытия Павла, но понять, началось ли пришествие с распятия, или же отправная точка была иной, Павел не смог.

Волновало Пашу и то, как ему отсюда добраться до Княжества, если оно еще существует. А если его нет... О таком Паша пока старался не думать.

Расплатиться с хозяином трактира Паша планировал тем серебром, которое ему удалось сплавить в какое-то подобие слитка, и, если того будет мало, то и отсыпать трактирщику немного кофе, выдав его за целебный отвар ниспосланный с самих небес. По крайней мере, наверняка нигде в этих местах кофе не видели, Паше очень хотелось на это надеяться.

– Господин, это прекрасный напиток, я уже сейчас чувствую подъем сил, – хозяину явно понравился кофе и Паша чувствовал, как Авксентий считает прибыль с каждого глотка кофе, который он продаст богатым посетителям.

Паша даже не ожидал, что за всю банку кофе ему удастся выторговать двух коней и старую упряжь. Скакуны, конечно, не были лучшими во всей округе, но выглядели не исхудалыми и не больными, а значит, на них можно было путешествовать, пусть и не через весь континент. Ко всему прочему хозяин сытно покормил гостей, налил неразбавленного вина, дал с собой запас вяленого мяса, сухарей и бурдюк чистой воды, небольшой чугунный казан и деревянную поварешку. Последнее он вручил Мигэлю, своему немому слуге, как он его представил.

Серебро Павел решил не показывать, чтобы не раззадоривать аппетиты трактирщика. От ночлега он тоже отказался, аргументировав это спешкой, будто он сильно торопится вернуться в родные владения, набрать там армию и поквитаться с этим ненавистным Марком Черным. Трактирщик словам благородного господина, быть может, и не поверил, но настаивать не стал, очевидно полагая, что и без того совершил очень выгодную сделку. Паша эту сделку считал не

менее выгодной, он не был большим поклонником кофе, просто банка попалась ему на глаза, когда он собирался в путь.

Старое седло скрипело под Пашей и выглядело совсем не благородно, но выбора не было. Как сказал хозяин поселения, до ближайшего города было не менее дня пути, но путники добрались до него лишь к вечеру второго дня путешествия. Входить за городские ворота Павел не спешил, решив посетить город утром. Он планировал отыскать на рынке торговца косметикой и попытаться впихнуть ему свой товар, чтобы обрести начальный капитал. Ночевать в городе на улицах ему не улыбалось, да и торговля куда лучше идет утром, а потому и посещать город не имело смысла.

На ночь они расположились неподалеку от дороги. Костерок весело трещал сухими ветками, а в казане варился рис, которого эльф никогда не видел. Только сейчас Паша подумал, что можно было бы взять различных семян, чтобы продать их вместе с технологией выращивания, однако эта мысль слишком поздно посетила его голову.

Рисовую кашу с вяленным мясом эльф уплетал за обе щеки, несмотря на свой эльфийский аппетит. Теперь рисовую крупу Паша мог называть «эльфийской радостью», потому что Мигэль слезно просил добавки, хоть уже и съел целую миску, что совсем не свойственно его племени и могло стать губительным фактором. «Может, он не ел пару сотен лет»: вспомнил Паша о магическом сне своего спутника.

До утра спали оба, Паша пренебрег дежурством, лишь очертил вокруг стоянки охран- ный круг, который должен был бы его разбудить, если черту пересечет кто-то крупнее собаки. Таким образом, опасения быть разбуженным каким-нибудь жучком, ровно как и съеденным лесным хищником, отпадали.

Еще до полудня они въехали в город, под названием Перислава, судя по размерам, жило в нем никак не меньше трех тысяч человек, так что улицы выглядели весьма оживленными. Местный рынок, как и полагал Павел, находился практически в центре города, около городской крепости. Изобилие товаров удивило Павла, здесь можно было купить меха и железо, специи и зерно, оружие и доспехи. Такого разнообразия товаров на рынках Княжеских городов Павел не помнил. Видимо, город находился около большого торгового пути, но что-то не позволяло ему разрастись до огромных размеров и стать полноценным центром торговли.

Пользуясь тем, что находить общий язык с местным населением для Паши не составляло труда, он быстро нашел лавку одного из торговцев косметикой. Его пытались отправить к какому-то другому торговцу, который был особенно популярен и известен, а качество его товаров всегда было наивысшим. Но Паша умышленно пошел к его менее успешному конкуренту, ведь он планировал выручить как можно больше денег, и шансов выудить их у и без того успешного торговца было меньше, чем у начинающего отчаиваться купца.

– Люций Август к вашим услугам, – краснолицый торговец косметикой сразу вызывал неприязнь своим злобным, полным презрения, выражением лица.

«А еще говорят, что все толстяки добрые»: подумал Паша, оценивая ситуацию. Каким бы неприятным ни был на вид Август, а голос его звучал вполне обыденно, в какой-то момент Паша понял, что подобное мимическое сокращение мышц лица торговца является врожденным. Может поэтому его дела и не идут в гору.

Предварительно Паша походил по рынку, пытаясь ознакомиться с ценами. Как он и предполагал, соотношение ценности драгоценных металлов и товаров практически не отличались от того, что он видел в Княжестве. Расплачивались здесь в основном серебряными и медными монетами, золотых Паша так и не увидел, но знал, что они есть, и каждая такая монета может обеспечить человека вполне сытой жизнью не менее чем на пару недель. Пудры, в том виде, в котором ее привез Павел, ему найти не удалось, так что цену на нее он мог назначать сам. Помада продавалась в банках, и брали за нее по серебряной монете, в зависимости от качества и количества цена разнилась, но никто не мог предложить такой помады, которую привез

Павел. Местная, к тому же, не всегда приятно пахла. Как и ожидал Павел, его товар значительно превосходил по всем параметрам здешнюю продукцию.

– Павел, просто Павел, – представился Паша.

– Что желаете купить? – спросил торговец.

– Желая продать вам эксклюзивный товар, который будет пользоваться спросом у богатых людей, как вашего, так и других городов, – Паша решил избежать долгих предисловий.

Толстяк нахмурился еще больше, на этот раз выражая искреннее недоверие, но Паша, не обращая на это внимания, пригласил его отойти за ширму и показать товар. Мигэля он оставил снаружи, стеречь коней. К слову, тот долго причитал о том, что коники устали, что он чувствует их боль и не будет на них ездить. Однако, после того как ему было предложено пробежаться рядом с «кониками», эльф все-таки перестал сильно их жалеть, и согласился перемещаться верхом на коне.

Демонстрация косметики выдалась на «ура», Люций хотел забрать все, но две пудреницы и помаду с зеркальцем Павел все же оставил себе, полагая, что эти вещи еще можно будет принести кому-нибудь в дар, или же продать, когда станет совсем туго. В итоге, в результате долгих торгов, а Люций был в этом деле большим специалистом, Паша получил пять золотых монет, две серебряных и целую пригоршню медяков. Паша специально запросил именно такой расклад монет, чтобы не менять золото по пустякам и расплачиваться медью.

Два золотых Павел потратил на седла для своих скакунов, запас воды, муки, овса для коней. Туда же вошел и запас продуктов на неделю, и две кожаные шапочки. Одну Паша надел на эльфа, уши которого постоянно норовили выглянуть из-под светлых прядей. Паша не знал, являются ли эльфы здесь нежелательными посетителями, но предпочитал оставаться в неведении, нежели попасть в неловкую ситуацию. Во вторую шапочку он облачился сам, так как шлем, все-таки, был слишком тяжелым для постоянного ношения и давил на шею. Оставшуюся сдачу от покупок они проели в таверне с названием «Золотой Путь», которая символично расположилась в тупике. О каком пути шла речь, Паша предпочитал не задумываться.

Оставшееся золото Паша бережно упрятал под доспехи, полагая, что возле тела его не сможет достать ни один вор. А воров, особенно на рынке, было не мало. Благо Паша наложил на свой кошелек охранное заклятье, которое помогало схватить за руку воришку, если тот покусится на кошелек.

Остаться в городе на ночь Паша не пожелал, Мигэль тоже. Он едва сдерживал себя, чтобы не шарахаться от каждого встречного, слишком уж он не привык к людским скоплениям, к тому же проспал неизвестно сколько лет, и теперь имел все основания бояться всех подряд.

Как понял Павел, местный золотой был куда дороже, нежели в Княжестве, потому тем трем золотым, что плотно прижимались к его животу через тонкую стенку бархатного мешочка, Паша был рад, рассчитывая, что их хватит еще надолго.

Путь к противоположным воротам лежал через ремесленный переулочек. Паша с интересом разглядывал вывески. Была тут и аптека, и кузня, и кожевенная мастерская. Последняя придавала переулочку неповторимый аромат, от которого Паша чуть не лишился недавно съеденного обеда. Нашлась тут и магическая лавка, в нее Павел решил зайти, оставив эльфа охранять имущество.

«Мистический конгломерат» представлял собой тесный подвал, в котором царил полумрак, вяло разгоняемый двумя канделябрами.

Сырость и затхлость била в нос, к этому неприятному запаху был примешан еще и аромат сохнувших шкур, плесневеющих углов и еще чего-то кисловатого, что Паша разобрать не смог.

Возле прилавка никого не было, казалось, будто в подвале Паша был один. Разглядывая товар, назвать его магическим Паша мог лишь с натяжкой, скорее кучей безделушек, вряд ли имеющих реальное значение для колдовства. Иван долго учил Павла отличать ценную вещь от хлама, чем красочнее и причудливее статуэтка или медальон, тем выше вероятность, что это

лишь никчемный плод фантазии изготовителя. Такими вот бесполезными, на Пашин взгляд, вещами и полнились товарные полки.

Паша сам не знал, что именно он хотел бы купить и уже собирался уходить, но его остановил хозяин лавки, вышедший из каморки, которую Паша не сразу заметил.

– Я вижу, вы ищете что-то более интересное, чем то, что искать не нужно? – хрипловатым фальцетом заговорил сгорбленный карлик.

Одет он был в темную хламиду с глубоким капюшоном, из-под которого виднелись только слипшиеся космы седеющих волос. Шел он явно с трудом, пошатываясь, будто перекачиваясь с ноги на ногу. Покрытые темными пятнами, худые руки с выпяченными венами, исходились мелкой дрожью, которая передавалась на металлические четки, жалобно звеневшие от вибраций.

– Эмм... – Паша не совсем понимал, что можно ответить на подобный вопрос, – Я просто осматривался.

– Да? – будто разочаровавшись, спросил горбун.

– Да, пока что да, – немного подумав, ответил Павел.

Тогда горбун, шаркая ногами по скрипучему полу, удалился в каморку. Вскоре он вернулся оттуда, будто решив проверить, не пропал ли покупатель.

– Я хочу кое-что предложить. Кое-что, что будет тебе интересно. Я хочу поменяться с тобой, – карлик, казалось, едва слышно усмехнулся в конце фразы.

– На что ты хочешь меняться? – расставаться с чем-либо не хотелось, потому произнес это Павел с вызовом.

– У тебя в сумке есть один амулетик, – хихикая, проговорил карлик, крючковатым пальцем указав на заплочный мешок клиента.

«Амулет...»: Паша вспомнил, что успел взять побрякушку, перед тем, как ухватиться за кинжал в комнате Димы. Сам он ценности в нем не видел, но теперь понимал, что наверняка амулет не прост, раз карлик его почувствовал.

– А не много ли ты просишь? – блефовать он решил в последний момент, потому вопрос звучал не совсем уверенно.

– Хм... Мой товар будет куда полезнее для вас, – горбун быстро, чуть не падая, вернулся в каморку, то ли сильно торопясь, то ли имея привычку ходить именно так.

Такая спешка лишь укрепила Пашины подозрения о том, что амулет имеет реальную ценность и горбун хочет его обмануть. «Что ж, не продешевить не выйдет, потому что я даже не знаю, что это за амулет, но, потому он и бесполезен для меня сейчас. Ведь я и не собирался его как-то использовать до, а значит, ничего не теряю»: решил Павел, но сумку снимать с плеч не торопился, ожидая горбуна с его предложением.

Вскоре тот вернулся, неся в руке продолговатый сверток. Внутри было завернуто что-то походящее на небольшую булаву. Горбун, весь трясаясь от возбуждения, принялся разворачивать тряпки, кидая их прямо на пол. При этом он что-то бормотал, а то и вскрикивал что-то абсолютно непереводимое, наверно, ругая неподатливые тряпки.

– Скипетр огня, пару раз в день работает вообще без всякой помощи, а дальше уже сам, – казалось, горбун сам любит скипетром, – Хорошая вещь. Хочешь попробовать?

Паша слышал от Ивана о различных магических орудиях, через которые можно было творить какой-либо определенный вид заклятий, затрачивая на них куда меньше сил, чем без такого орудия. Но Иван говорил, что подобные вещи являются большой редкостью, соответственно и цена у них немалая. Паша забеспокоился еще больше, может посох этот и дорогой, но какую же ценность имеет удачно украденный амулет?

– Давай, – Паша не был уверен, правильно ли он понимает принцип использования скипетра, но расспрашивать горбуна постеснялся, стремясь не выдать в себе профана.

– Куда? – приняв в руки скипетр, спросил Паша о стрельбе.

– А зачем тебе огонь пускать? – искренне удивился хозяин лавки, – Так посмотри, не видишь?

– Я привык все проверять в действии, – Паша спешно ретировался, понимая, что сплывал.

Силу посоха он должен был почувствовать сам, но играть роль опытного и умелого мага Паше было пока не по силам.

– Ладно, – Паше показалось, что он что-то почувствовал в посохе, будто ручка у него нагрелась, а на стальном шаре заиграли невидимые языки пламени.

Карлик нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая, пока Паша извлечет из сумки амулет. Он едва не вырвал его из Пашиных рук, и, казалось, был счастлив, как никогда раньше, едва коснувшись вещицы. Он был так увлечен созерцанием амулета, что даже не заметил, как Паша забрал скипетр и покинул подвальчик.

– Мигэль, пойдем отсюда, пора выбираться, – бросил Паша эльфу, на ходу поправляя сумку.

Ничто не помешало беспрепятственно покинуть город. Стражникам, как и обычным гражданам, казалось, было абсолютно безразлично, кем являются путники и куда они движутся.

Когда шум города остался позади, Мигэль все же спросил у Павла:

– А почему мы так спешим? Почему так быстро ушли из города?

– Торговец в той лавке мне показался слишком подозрительным, – Паша и сам не знал, что именно подвигло его на столь стремительный побег из города, и ответ он искал прямо сейчас, вместе с эльфом.

– И куда мы теперь?

– Нужно узнать, где мы находимся, а потом уже выбирать себе путь, – резонно заметил Паша.

– Мы могли бы спросить в городе, где мы, разве нет? – искренне удивлялся Мигэль.

– Это... Это было бы слишком подозрительно, – Паша понимал свою ошибку, но признавать это перед эльфом не собирался, – В деревне спросим, недалеко должна быть, как я слышал.

Думая логически, Паша выбрал тракт, который вел в северном направлении, надеясь, что рано или поздно прибудет в Княжество. В день они могли проходить на конях не меньше сорока километров, если двигаться с нормальной для подобных походов скоростью. Но вот идти с такой скоростью не позволяло нить эльфа, который глубоко сопереживал коням, которые постоянно уставали. Вскоре их обогнала группа из трех всадников, двигаясь едва ли не в два раза быстрее. В конечном итоге, Паше это надоело.

– Я тебя сейчас вместе с твоим конем тут по земле размажу!

– Что сделала тебе моя лошадка? – с невинным взглядом удивился эльф.

– Уфф... – Паша крепко сжал эфес меча и плотно стиснул губы, стараясь не раскричаться, – Слушай меня, нытик. Либо ты подчиняешься мне, либо я тебя оставляю прямо здесь, одного, без коня, потому что я его покупал, без еды, без ничего. А сам еду, куда мне нужно. Тебя это устраивает? – Паша остановил коня, сверля эльфа взглядом.

Тот сжался под этим напором, но попыток защитить животных не оставил:

– Но коники...

– Я считаю до трех! Раз!

– Но...

– Два!

– Хорошо, – эльф опустил голову, изображая ужасную обиду, казалось, если бы где-то рядом был угол, он обязательно бы в него забился и рыдал.

Паша решил ничего не говорить, только махнул рукой, и двинул своего скакуна вперед. Эльф держался за предводителя, больше не смея жаловаться на усталость животных или же на свою собственную.

Впрочем, лошади, а это были именно кобылы, не были так слабы, как это рисовал эльф, к тому же Паша вовсе не собирался лишиться скакунов из-за спешки. Он помнил ту скорость, с которой двигались конные отряды на переходах, делал поблажку на то, что под ними вовсе не боевые скакуны, и лишь потому двигался чуть медленнее, устраивая частые привалы.

К вечеру они были уже около деревни, которая готовилась ко сну. Огни горели лишь во дворе трактира. Трактирщик уже принимал гостей, как раз тех самых всадников, что обогнали Пашу днем.

«Пожалуй, можно было ехать еще медленнее, может эльф и прав, все-таки кто его знает, насколько крепкими окажутся наши скакуны в таком переходе»: подумал Паша, чувствуя, как вздымаются бока у его лошади. Последние несколько километров они шли, едва ли не срываясь в галоп.

Кроме них и троих всадников в зале трактира «Дальняя дорога» никого не было. Паша и Мигэль расположились за маленьким столиком в углу, компания всадников же расположилась прямо в центре зала, за слишком длинным для троих столиком. Впрочем, в центре было светлее, так как прямо с потолка свисало какое-то подобие люстры с зажженными свечами, а всадникам, наверно, не было нужды скрывать своих лиц.

Тратить деньги Павлу совсем не хотелось, он попросил хозяина принести легкий ужин и воды, вместо предлагаемого вина. Всадники же очевидно собирались закатить страшную пьянку вкупе с обильным чревоугодием.

– Так ты говоришь, Иоанн набирает в армию всех подряд? – начал разговор один из них, – Мне не слишком-то хочется идти в бой рядом с каким-нибудь сарацином или египтянином. Терпеть их не могу, да и они меня, хе-хе.

– Но золото, которое предлагает Иоанн, заставляет позабыть об этих шероховатостях, – отвечал ему второй, на вид самый благородный, видимо, являющийся предводителем, – Я же не просто так вас позвал, нам уже отведено место в кавалерии, а там только наши.

– Выпьем!

– Выпьем!

Паше удавалось делать вид, будто его интересует только содержимое тарелки, но никак не разговоры о собираемой армии, чего нельзя было сказать о Мигэле, который прямо-таки не мог оторвать взгляда от центрального стола, казалось, его большие уши сейчас стали еще больше, и улавливают каждое слово, произнесенное всадниками. Павлу пришлось отвесить ему тумака и шепотом объяснить, что лишнего внимания привлекать не стоит.

Паше удалось подслушать, что армию собирает местный воевода, состоящий на службе у Императора, и идти эта армия собирается на подавление некоего мятежа, возникшего на востоке Империи. Бои шли уже год, и армия требовала подкреплений, которые и собирались уже из наемников.

«Узнать бы, какой сейчас год, и как мне не попасть в боевые действия»: подумалось Паше. Он начинал паниковать, думая, что до Княжества будет не так просто добраться, тем более что в этой стране идет гражданская война.

Узнать дату Паше помог трактирщик, добродушный пухляк с блестящей лысиной.

– Девятьсот восемьдесят седьмой год от рождества Христова, тридцатое октября, вторник, – ответил он, – Да уж, в дороге часто забывается, какой сейчас день, и день ли вообще. Но я для того и работаю тут, чтобы помочь вернуть силы и память, знаете ли. Порой мои гости не знают даже собственных имен!

Паша усмехнулся трактирщику в ответ и спросил комнату для ночлега.

Если в княжестве, при первом его визите, Паша не смог понять, в какую эпоху он попал, то сейчас ошибки быть не могло, он в десятом веке. Как ему удалось понять, попал он в Византию, а значит, он вряд ли переместился в абсолютно иной мир, который никак не перекликается с тем, в котором он родился. Скорее он действительно попал в прошлое, которое по каким-то непонятным причинам не вязалось с историей, которую он изучал еще в школе. В конечном итоге, в заклинании присутствовала фраза, которую дословно можно перевести примерно так: «Пусть земля, на которой стою я сейчас, будет держать меня там, под открытым небом». Почему бы греческой земле, пусть даже паре сотен грамм, не оказаться где-то в чертах магического круга. Все-таки у Паши было недостаточно опыта, чтобы направить заклинание самому, а потому, вероятно, оно выбрало ту землю, которая ему больше «понравилась». К тому же обряд едва не сорвался, что наверняка имело свои последствия.

С этими мыслями Павел поднимался на второй этаж трактира и вошел в указанную трактирщиком комнату. В ней было не так уютно, как хотелось бы, но все же лучше, чем под открытым октябрьским небом. Два лежака, разделенных столиком, возле которого стоял треногий табурет. На этом мебель в комнате заканчивалась. Полы были выметены, хоть и покрыты широкими щелями. Паша почувствовал запах мышей, а в тюфяках наверняка ждали клопы, но Паша был слишком уставшим, чтобы сейчас обратить внимание на это неприятное соседство.

Постели были заправлены мешковиной, но Паша не собирался раздеваться, лишь стянул с себя кольчугу и сапоги, поножи и наручи. Мигэль, хоть и привык спать в лесу, постелью не побрезговал, и минут через десять мирно посапывал, ни о чем не заботясь. Паша же не был столь легкомысленным, компания кавалеристов у него доверия не вызывала, наверно и они, бросая во время ужина изучающие взгляды на Павла, относились к нему если не с недоверием, то с интересом.

На дверь Паша поставил охранное заклятие, присовокупив к нему сундук, подпирающий дверь, теперь он был уверен, что незаметно войти через дверь не удастся. Оставалось только небольшое окно, чуть кривовато вырубленное в стене. Его Паша запечатал, таким же, как и дверь, заклинанием, убедившись, что оно плотно закрыто.

«А теперь спать»: Паша улегся на лежак и закрыл глаза. Перед ним закружились отрывки произошедшего, лес, дорога, город. Опасность, блеск стали, ножны, приятно бьющие по бедру. Он понял, что сейчас он как никогда близок к счастью. Именно таких приключений ему не хватало, осталось лишь с достоинством идти через них. Паша уснул.

Просыпаться пришлось очень скоро, кто-то ковырялся в замочной скважине, на что сработало заклинание, разбудившее Павла. Он тихо встал и подошел к двери, вооружившись топором, взятым в займы у клуба «Богатырь». Нежданный гость не мог понять, почему дверь не открывается. По карманным часам Паша понял, что сейчас около часа ночи, самое время для приема гостей. Решительно отодвинув сундук, он распахнул дверь.

По ту сторону стоял служка, который подавал вечером еду к столу. Он так и не успел спрятать свою отмычку, лишь поднял глаза, наполненные диким ужасом.

– И что ты здесь забыл? – грозно покачивая топором, спросил Паша.

Служка лишь вытаращил глаза, глядя то на Пашу, то на топор. Он беззвучно шевелил губами, видимо, ища подходящую ложь, а ноги его заметно тряслись.

– Я... Я просто попутал дверь, – замямлил он наконец, потихоньку пятясь назад.

– И часто ты так их путаешь? С отмычкой в руках?

– Нет, никогда. Просто сегодня так... А так нет, никогда, – затряс головой воришка, – Просто жалование малое, а работы много, вот я от усталости и спутал двери.

Вор вдруг понял, что сам себя выдал и бросился наутек, потеряв отмычку. Догонять его Паша не стал, лишь поднял отмычку с пола, заодно осмотрев коридор. Вокруг царила тишина, Паша, махнув рукой, вернулся в комнату. Охранные чары пришлось ставить заново, вернув

на место и сундук. Он чувствовал себя невероятно уставшим, а потому быстро погрузился в сон, проспав до утра.

Выдавать воришку как-то расхотелось, все-таки это проблемы хозяина заведения, это о его трактире пойдут дурные слухи и это его посетители рано или поздно разнесут тут все в пух и прах. А Павлу лишний шум был не нужен. Воришка же предусмотрительно не попадался на глаза.

Как выяснилось, кавалеристы-наемники уже уехали, на заре. Паша же задержался в трактире почти до полудня, плотно позавтракав и передремав еще пару часов.

Теперь ему предстояло узнать ближайшую безопасную дорогу до Княжества и выдумать себе нормальную легенду на случай, если его остановят какие-нибудь излишне любопытные люди, будь то стражники или обычные граждане.

– А вы куда путь держите? – хозяин остановил Пашу, когда тот уже запрыгивал на коня, – Если на север, к Торнису, то будьте осторожнее. Говорят, там беспокойно, кто-то тревожит погосты, и усопшие не спят даже днем. Лучше не ехать основным трактом. Конечно, в объезд будет дольше, но безопаснее.

– Да? – Паша забеспокоился, – И никто не может успокоить погост?

– Отправляли гонцов с прощением, но ответа так и нет, – сетовал трактирщик, – Сельчане прячутся ночами в церкви, однако местный батюшка не имеет тех сил, что ранее. И ведь теперь мой трактир терпит одни убытки, поток путников совсем поредел...

– Хм... Спасибо за предупреждение, – Паша хмуро глянул в сторону дороги, – А если мне удастся устранить проблему, кто мне заплатит?

– Староста деревни, сельчане, все заплатим, милостивый господин, – трактирщик чуть не бросился на колени, – А вы можете? Вы странствующий ведьмак? У вас есть лицензия?

– Что-то вроде, я ничего не гарантирую, а потому и предоплаты никакой не возьму.

– Хорошо, – трактирщик беспокойно теребил в руках край своей туники, – Может, я могу вам как-то помочь?

– Да, – Паша свесился с седла, чтобы приблизиться к трактирщику, – Никто не должен знать, что я здесь был, пока я не закончу работу.

Трактирщик утвердительно кивнул и больше вопросов задавать не стал.

Неизвестно отчего, но Паша чувствовал, будто его кто-то разыскивает, что за ним кто-то гонится. И это ощущение не давало ему покоя, ему казалось, что почувствовать себя в безопасности он сможет лишь добравшись до Княжества, а потому ехать в объезд ему не хотелось.

«Лучше уж мертвяки. И куда меня потянуло?»: подумал Паша. Иван, конечно, учил Пашу основам борьбы с мертвецами, но конкретного опыта у Паши не было, да и воспоминания были скудные. Паша решил импровизировать.

Ни одно тело не станет подниматься из уютной могилы просто так, если, конечно, при жизни оно не принадлежало чародею, который запросто мог воскреснуть упырем, или, так называемым, вампиром. Либо же еще при жизни он мог наложить на себя определенные заклятия, совершить ритуальное самоубийство и воскреснуть уже в новом обличье. Такие действия были большой редкостью, к тому же были сопряжены с большим риском не воскреснуть вовсе. Но получившийся в результате такого ритуала лич был очень опасен, и представлял угрозу целому государству, а не, положим, району или городу.

Однако, в любом случае, телу нужна помощь, чтобы оно восстало из мертвых, ведь в каждом теле оставалась частица воли усопшего. Эта воля и охраняла вечный сон покойного, и некроманту, который вздумал вернуть кого-то из мира мертвых, даровав некое подобие новой жизни, эту самую волю нужно было сломить.

Если человека убили насильственной смертью, то воли в нем останется меньше, если вообще останется, так как человек вовсе не собирался умирать, не готовил себя к этой мысли. Такого, порой, и поднимать было не нужно, он мог восстать и сам, если при его похоронах не

было соблюдено никаких ритуалов. Другое дело самоубийцы, этих поднять мог лишь самый искусный некромант, но зато самые агрессивные покойнички получались именно из тех, кто свершал суицид.

Погосты же могли баламутить и ведьмы, и колдуны, желающие насолить местному населению или просто из вредности. Как именно это делалось, Паша не знал. Впрочем, и о том, как этому противодействовать, он имел весьма смутное понятие. Знал лишь, что на погосте наверняка будет оставлен какой-либо амулет или его подобие, оно-то и оказывает неблагоприятное воздействие на мирно спящее население кладбища. Во избежание подобных инцидентов покойников либо жгли сразу, либо над погостом проводились определенные манипуляции. Как понял Паша, тут этим занимался священник, которого упомянул трактирщик.

Зато Паша знал, как победить в бою восставшего из могилы. Приписываемые восставшим кадаврам свойства были лишь сказками, они не были ни сильнее, ни быстрее обычного человека, скорее наоборот. Вот боли они действительно не чувствовали, так как нервные окончания в них давно умерли. Не обладали они и разумом, так что можно было спокойно изрубить покойника, сжечь или же убрать поддерживающие вторую жизнь чары.

Таким образом, Паша собирался извлечь из погоста раздражитель, а если это не удастся, то просто убраться оттуда подальше. Заодно можно было бы обрести неплохую легенду, замаскировавшись под странствующего охотника на нечисть.

«Но это если все получится. Еще и лицензия какая-то нужна, где мне ее взять-то?»: раздумывал Паша в пути. Эльфа в свои планы он пока не посвящал, но тот сам отчего-то выглядел напряженным, и, видимо, совсем не желал оставаться в блаженном неведении:

– Что-то случилось? Куда мы едем?

– Ничего особенного, – усмехнулся Паша.

Эльф явно не удовлетворился ответом, и расспросов не оставил. Тогда Паша подробно рассказал ему, куда и зачем они едут. При этом он старался выглядеть как можно более уверенным в успешности планируемого мероприятия. Рассказывал он все спокойно, будто всю жизнь только и занимался тем, что успокаивал погосты да рубил мертвяков. И эльф поверил ему, проникся Пашиной убедительностью и даже не стал ныть и дрожать, к большому удивлению Павла. Как оказалось, эльф имел дело с покойниками еще в своей родной деревне. Непосредственного участия в борьбе с ними он не принимал, но хорошо знал основные методы борьбы с неупокоенными.

До кладбища они добрались в половине пятого, солнце, уже слегка клонившееся к западу, укрылось за невесть откуда взявшимися тучами и тускло освещало поверхность земли. Пения птиц не было слышно вовсе, как не было видно и иных путников поблизости. Казалось, не было в окрестностях и животных, все будто замерло в вязкой тишине, ожидая чего-то, что должно было вот-вот произойти.

Путники сходили с основного тракта в нескольких километрах от этого места, страшась молвы о беспокойном кладбище. Страшно было и Паше, хоть он и старался успокоить себя знаниями, полученными от Ивана и книг. «Они просто кучи мертвого мяса, главная опасность – трупный яд»: успокаивал он себя, но удавалось ему это плохо, все-таки совсем не бояться встречи с мертвецами он не мог. Это был естественный страх перед неизведанным и неестественным. Зато эльф, которого Паша считал трусом, никаких признаков страха не проявлял, даже наоборот, подбадривал Пашу.

– Никого не видеть, спят они все, мы кладбище очистим и все, – радостно декламировал он.

Но Паша его настроения не разделял. Уже спешенными они наткнулись на следы крови на чуть примятой траве. Свежие, практически не запекшиеся.

«Не спят...»: пронеслось у Паши в голове. Он и сам не заметил, как достал меч из ножен, а его примеру последовал и эльф, бесполезный в перестрелках с мертвецами лук он оставил

на коне. А самих коней, храпящих и постоянно пятящихся, пришлось привязать к одинокой березке чуть поодаль. Рискованно, но другого выхода не было.

Следы вели прямо за шаткий низенький заборчик, определявший границы кладбища, и ввели вглубь через пролом в ограде.

Разверзнутых могил к Пашиной радости было совсем немного, около трех за весь путь до середины кладбища. Шли они с эльфом осторожно, постоянно озираясь, но вокруг было тихо и только следы от протасченного недавно тела говорили, что все здесь не так хорошо, как хотелось бы.

По следам Павел понял, что весил убитый порядочно, скорее всего ввиду наличия доспехов, оставляющих характерные борозды на земле. Отчего-то вспомнились три всадника, гостивших в трактире. Не зря.

Труп самого молчаливого из них лежал в нескольких метрах от Павла. Он узнал его по синим штанам и золотистой гравировке на панцире. Лицо его было изъедено, распотрошено до костей, обглоданы были и руки. При чем ели жадно, стараясь не оставить и клочка плоти. На измазанном землей и кровью панцире виднелись вмятины, то ли от когтей, то ли от зубов. Но снять доспехи мертвецы не догадались и обглодали лишь то, что не было скрыто под сталью.

«Хорошо не чувствовать боли и так железяки кусать»: подумал Паша и пошел дальше, труп был зрелищем не из приятных.

Вообще, мертвецы ели не только людей, тут и там были разбросаны остатки крыс, мышей, птиц и другой живности, обитающей в окрестностях. Вечный голод мучил мертвецов, лишь опытный некромант мог утолять голод восставшим из могил, делая их послушными рабами.

Вопреки общественному мнению таким неупокоенным был присущ не только голод, но и некоторое подобие чувства страха за «жизнь». Если мертвец видел, что ему грозит опасность, он мог начать прятаться, а иногда и сдаваться в плен, в основном безрезультатно. Это то небольшое, что сохранялось в их памяти.

Ближе к центру кладбища могил со свежевырытым песком становилось больше, и Пашин страх рос пропорционально количеству потревоженных могил. Паниковать начинал и эльф.

«Девять, десять»: мысленно считал количество потенциальных противников, все больше убеждаясь, что его голову посетила дурная идея, когда он решил успокаивать кладбище.

Наконец в поле зрения попал алтарь, громоздившийся на могиле прямо в центре погоста. Возле него усердно молились четыре зловонных мертвеца. Пятый обглаживал лицо главному из кавалеристов, а последнего наемника восставшие уложили на алтарь, видимо, принеся в жертву какому-то своему божеству.

Паша был не просто удивлен, скорее ошарашен. Про производящих религиозные обряды мертвецов Паша не читал ни в одной книге, не слышал ни одной истории или даже короткого упоминания. Но сейчас он наблюдал это явление воочию. Колени подломило, и Паша чуть не упал, благо его поддержал эльф. Глянув на своего спутника, Паша понял, что судьба их жизней полностью зависит от него.

«Если три крепких опытных воина в полном доспехе были повержены, то... Что сможем мы?». Паша все больше убеждался в том, что сильно ошибся, решившись прийти на кладбище.

Пытаясь найти следы битвы, Паша все-таки заметил горку полуразвалившихся трупов, бережно сложенных более живыми товарищами неподалеку. Наемники все же сражались и не продали себя дешево.

Паша почувствовал невидимые щупальца, тянущиеся от алтаря. Они ледяной хваткой сцепили внутренности, сражаться с такими ощущениями было бы крайне неудобно, и Паша осенил себя охранным знаком, приказав сделать то же самое и эльфу. Обоим значительно полегчало, щупальца отступили обратно. Как раз вовремя. Один из беспокойных кадавров окончил прием пищи и, подняв безобразную голову с пустыми глазницами, «увидел» неприятеля. Наклонив голову набок, как это делают птицы, мертвец несколько секунд просто разгля-

дывал замерших путников. Затем он наконец-то понял, что это не статуи и незамедлительно, протяжным утробным воем, оповестил соратников о пришедшей в их лапы добыче.

Настало время действовать, Паша быстро выхватил предусмотрительно заткнутый за пояс скипетр огня. Без всяких заклинаний он метнул в бегущего к нему врага огненный шар размером с голову. Охваченный пламенем мертвец дико заверещал. Под магическим пламенем тухлое мясо шипело, издавая дикое зловоние, не добавляли свежести и плавящиеся кости. Мертвец упал на землю, превращаясь в грудку сгоревших останков, он медленно принимал уже вторую свою смерть. Остальные четверо, увидев это, приостановились, глядя то на Пашу, то на тлеющий труп.

«Пару раз... Вот же!»: безуспешно махая скипетром, мысленно чертыхался Паша.

Мертвецы же, повинаясь команде самого свежего из них, двинулись в атаку. Впереди всех на Пашу бежал новоиспеченный предводитель, трясая огромным, прогнившим насквозь пузом. Видимо, при жизни он был купцом, и, хоть труп и был достаточно свежим, но живот уже был изгрызен паразитами, из него, болтаясь, вывалились внутренности. В этих внутренностях и запутались ноги решившегося бежать мертвеца, он кубарем покатился на землю, о него споткнулся бежавший сзади напарник. Это дало Паше время, чтобы использовать скипетр и собственную силу. Чародей поджог упавших струей яркого пламени, встать они так и не смогли, разделив участь самого первого. Оставшиеся двое отделались лишь легкими ожогами и продолжили наступление. Паша почувствовал, что продолжать колдовать не только бессмысленно, но и может не благоприятно сказаться на его самочувствии. Слишком мало опыта он имел в колдовском деле. Тем более в руках кроме скипетра был еще и меч.

Мигэль и Павел, даже слегка бравируя, принялись размахивать мечами, и уже через несколько секунд каждый поразил свою цель. Паша, используя размеры своего оружия, не церемонясь, отсек мертвяку голову раньше, чем тот успел понять, что за железяка в руках у противника. Обезглавленное тело прошло еще несколько шагов и упало безвольной грудой мяса. Мигэль же не имел такой силы удара, да и его меч был короче. Ему пришлось отскочить от противника, подрубив ему сразу руку, а затем и ногу. Падаая мертвец взвыл. Уже барахтающегося на земле, его изрубили эльф и человек. Мертвец так и не понял, что заставило его упасть, ведь он не почувствовал, как его нога отвалилась, будучи полностью перерубленной.

Других врагов в пределах видимости Паша не наблюдал, тогда он осторожно двинулся к алтарю. Именно в нем он видел причину пробуждения мертвецов. «И кто его сюда притащил?»: подумал Паша, осматривая алтарь. Он явно не был предметом благоустройства кладбища, которое предусмотрели здешние архитекторы, ведь был установлен прямо на могилу.

Алтарь представлял собой каменный столик с рельефными рисунками. Точно их рассмотреть мешало тело кавалериста. Паша увидел лишь луну, что сияла над едва угадываемым изображением могил.

Все это каменное благолепие нужно было как-то устранить, внутреннее беспокойство росло по мере осознания того, что устранять алтарь нечем. А мертвецы могут появиться в любой момент. Конечно, если на кладбище еще остались восставшие из могил, разрушение алтаря их не упокоит, но и новых «зомби» не появится.

Решение пришло само по себе, как и полагается, внезапно. Один из кавалеристов в качестве основного оружия использовал увесистый чекан. Паша поднял его и перекинул из руки в руку, разглядывая боевую часть, сплошь покрытую остатками гнилого мяса и грязи. «Все-таки это не кувалда»: но Паша знал, как увеличить мощь удара. Вернее, читал.

«Снова колдовать»: Паша чувствовал себя уставшим после стычки с мертвецами, но выбора не было, в конечном итоге мощь мага рождается в тренировках. Это он знал, и если тренироваться, как положено, под присмотром учителя, он не мог, то для реальной практики жизнь предоставляла предостаточно возможностей.

При взмахе, воздух вокруг рук и чекана завибрировал, сильно нагреваясь. Это была вступительная часть заклинания. Дальше при каждом ударе следовало выкрикивать слово на древнем языке. Дословно оно могло быть переведено, как «сила». Непосредственно сила с каждым ударом и покидала мага через орудие, в которое он эту силу направлял.

И вот чекан с первым ударом вошел в камень так, что застрял в нем. Камень оказался неожиданно податливым, и тут же пустил широкие трещины. Доставать чекан пришлось с тем же заклинанием. Еще через два удара Пашин лоб покрылся потом, но и алтарь был расколот на несколько частей.

По внутренним ощущениям Паша понял, что это конец – алтарь обезврежен. Внутреннее беспокойство улетучилось, осталось лишь естественное, присущее любому человеку, попавшему на кладбище с бродячими мертвецами. Впрочем, последних нигде не было видно, но в чудеса верить не хотелось, все-таки кто-то должен был уложить трех здоровых и опытных кавалеристов, а малое число поднятых из могил мертвецов без управления малефика не опаснее беззубых котят.

Значит, где-то поблизости был либо сам некромант, устраивающий все эти непотребства, либо еще пара десятков мертвецов, бесцельно бродящих по окрестностям.

– Пора уходить, там же наши лошади, – напомнил эльф.

– Да, пойдем, – Паша взглянул на эльфа уже с некоторым уважением.

Быть может клеймо «нытика» и не смыло «кровью» мертвецов, но теперь Паша знал, что в бою на Мигэля можно положиться, а его обычное поведение обусловлено воспитанием и менталитетом эльфийского социума.

Транспорт стоял на том же месте, где и был оставлен, мирно пощипывая травку. Видимо, после разрушения алтаря животные успокоились. Для уверенности, Мигэль и Паша объехали кладбище вокруг, осматривая густые заросли, на северной стороне пристанища мертвых. Но ни мертвецов, ни темных колдунов, притаившихся за кустиком, они так и не обнаружили. Только коня одного из наемников, но вот поймать его не удалось, слишком уж он был напуган.

Вскоре они вернулись к трактиру, чтобы сообщить, что на кладбище теперь спокойно и новых мертвецов в ближайшее время там не появится. Хозяин трактира был крайне удивлен столь быстрым возвращением, но усталость и грязные разводы на доспехах Павла убедили его, что он действительно говорит правду.

– Что ж, можете проверить сами, хоть всем селом, – Паша развел руками, – мы там никого больше не нашли.

– Да они же были пьяны вусмерть! – причитал хозяин, но глаза его не выдавали никакого сочувствия, – Я говорил им ехать в объезд, но они лишь смеялись. А трупы еще там?

– Да. Мне не хотелось касаться их.

– Как же так! Не по-людски, похоронить нужно, – трактирщик потирал руки, совсем не скрывая, что его интересует совсем не обряд захоронения, а имущество наемников, – Сударь, вы торопитесь? Для сбора награды потребуется время, пока мы убедимся в правдивости ваших слов, пока соберем с каждого по монете.

– Я готов погостить здесь еще, – согласился Павел.

– Разумеется, бесплатно, – заявил хозяин.

Затем он отвел взгляд, будто чего-то застеснявшись, и снова обратился к укротителю мертвецов:

– А у вас есть разрешение на...

– Нет, нету, – Паша не дал договорить хозяину трактира, решив, что врать не стоит.

– Быть может, вы желаете его получить? – оживился тот, – Местный священник, мой двоюродный брат, имеет должный сан и может выписывать разрешения странствующим волшебникам, которые готовы работать от имени божьего, часть заработанного отдавая церкви...

– Может быть, и желаю, – не дослушивая до конца, заявил Павел, – Если вы меня проведете к этому священнику, но позже.

«Какая разница, во славу кого рубить мертвяка?»: подумал Паша, ни капли не удивившись, что магу следует иметь лицензию. Все в духе церкви, желавшей иметь свою прибыль.

«Сами бы крестами и рубили, благо у бога сил не занимать, подсобил бы своим последователям»: Паша едва сдерживался, чтобы не начать ворчать себе под нос. После пережитого на кладбище хотелось отдохнуть, и любые вещи вызывали раздражение. Паша заказал кувшин вина, как оказалось, эльф тоже был не прочь выпить и закусить.

Паша заметил, что с каждым днем эльф обретает все больший аппетит, уже вполне схожий с человеческим. Более того, вместе с аппетитом эльф набирал и вес, это было заметно даже за те несколько дней, что они путешествовали вместе.

«Через месяц, глядишь, и на отца будет похож. Эх, Ян»: подумал Паша, вспоминая белокурого товарища, о судьбе которого он мог только догадываться.

После возлияний товарищи, слегка хмельными, поднялись в недавно покинутую комнату. Паша предпочел сон, ему нужно было восстановить силы. Мигэль же нашел Пашины тетради с записями и погрузился в чтение, Паша никак не мог взять в толк, почему эльфу понятен «современный» почерк, однако, к подобным странностям он уже привык. В конечном итоге, он же откуда-то знает греческий. Эльф же такими вопросами даже не задавался, глубоко погрузившись в чтение.

К четырем часам дня, по крайней мере, на эту цифру указывала стрелка Пашиных часов, трактирщик вернулся в компании священника в рясе и мужчины, одетого не бедно, к тому же опоясанного саблей хорошей работы. Рукоять из тонко обработанной кости выдавала в сабле ее не совсем боевое предназначение, но это лишь подчеркивало достаток владельца этого аксессуара. Этот мужчина, как и предположил Паша, являлся старостой поселения, а по совместительству и видным торговцем оружием, владельцем большой кузни с наемными кузнецами. Паше хотелось надеяться, что ко всему прочему, староста еще и просто хороший, а главное, щедрый человек.

И староста благодарил Пашу чуть ли не со слезами на глазах, сетуя на то, что проклятые мертвецы, сколько бы их не рубили, продолжали лезть из могил и таким образом сделали тракт абсолютно не привлекательным для путешествий. Вставил несколько слов о праведности дела и священник. Завершил же хвалебную оду трактирщик, вручив Паше в руки звякнувший монетами мешочек.

– Вот, наша благодарность, – слегка кланяясь, проговорил он.

Еще один мешочек красовался на поясе у самого Фемела, так звали хозяина заведения. Паша окончательно убедился в том, что интерес к телам наемников был совсем не таким благородным, как его описывал Фемел, ведь именно из этого кошелька еще вчера сыпались монеты на стол, щедро разбрасываемые главой кавалеристов. Но Паша не собирался рассуждать о морали, все-таки и в его руку попал увесистый кошелек, а это было куда важнее, чем жадность трактирщика.

– Павел, я слышал, вы работаете без разрешения Церкви, но я вижу, труды ваши идут во благо, – начал священник, – Не хотели ли вы устранить это маленькое упущение, чтобы не быть схваченным по ошибке и обвиненным колдовстве против воли Церкви?

– Конечно, – тут же согласился Павел, – Я с радостью обрету нужное разрешение.

– Позвольте поинтересоваться, а почему вы раньше не обратились к Церкви с подобным прошением, – задав неудобный вопрос, священник скрестил руки на груди.

«Потому что! Почему же я не пошел в церковь просить разрешения колдовать. Да потому что меня отправили бы в психушку»: Паша ничего не мог придумать, слишком уж незнакомым было происходящее вокруг, чтобы у него был шанс быстро придумать хоть сколько-то адекватную ложь.

– Не было удобного случая, – Паша замялся, – до сей поры я не занимался подобным, я просто странствовал.

– Ясно, – казалось, священник был вполне удовлетворен ответом, – Тогда приглашаю вас ко мне, оформим нужную бумагу и уладим этот вопрос.

Эльфю было предложено остаться в трактире, чтобы присмотреть за имуществом, а заодно и отдохнуть. Паша же пешим вышел из трактира в сопровождении священника и старосты.

До церкви они дошли быстро, благо она была совсем недалеко, возвышаясь на холмике близ самого селения. Маленький божий дом был сложен из мастерски отесанного камня, а куполок украшал небольшой деревянный крест. Войдя внутрь, оба осенили себя крестом и прошли по просторному залу за алтарь, в покои священника.

Далее пошли формальности, которые никак не влияли на Пашу, но помогали Никодиму убедиться, что ведьмак не в ссоре с Богом, что злого умысла он не имеет и, в целом, является хорошим человеком. Паше пришлось помолиться, благо текст молитвы можно было подсмотреть. Несколько десятков раз перекреститься, целовать серебряный крест, есть и пить освященную воду и пищу. Паша был готов станцевать польку голым и на торговой площади, лишь бы дотошный поп прекратил свои издевательства. Может Никодим и почувствовал Пашину раздраженность, поэтому наконец-то оставил проверки и принялся писать заветную бумагу.

В документе говорилось, что Павел Странник, а с ним его немой помощник Михаил могут на землях Византии использовать волшебство, пригодную для изгнания нечисти. Подробное описание внешности двух охотников на нечисть прилагалось, все это было заверено печатью и именем выписавшего разрешение священника.

Сразу же из кошелька, полученного за успокоение кладбища, была вынута десятая часть и передана в руки священнику. Тот быстренько спрятал все монеты, заверяя, что все пойдет на благо Церкви, а значит и народа. С этим он отпустил Пашу, чему тот был безмерно рад.

С довольным видом он вышел из церкви, и пошел в направлении трактира. Ребятишки с опаской смотрели на вооруженного странника, о чем-то шептались и, прячась, следовали за ним. Взрослое же население приветствовало Павла, в лице каждого виделась неподдельная радость и благодарность. Было видно, что молва о его подвиге разошлась мгновенно, и Паша впервые почувствовал себя действительно ценным человеком, нужным человеком. Быть может, где-то в деревне и остались не симпатизирующие Паше люди, от зависти, или любви к порубленным мертвецам. Но таких людей он не встретил, должно быть, они прятались и не желали видеть Пашу, если, конечно, они вообще существовали.

Уже на подходах к трактиру Пашина прогулка превратилась в торжественное шествие. Дети перестали бояться и бежали за ним шумной гурьбой, люди же не только вышли на улицу, но и встречали Пашу приветствующими криками. Не хватало разве что лепестков роз, которыми бы осыпали героя и выкладывали ему дорогу. До трактира дойти так и не удалось, ему загородили дорогу посланники поселения, две милые девушки в сопровождении двух молодых ребят. Под одобрительные крики Павлу на голову водрузили венок и пригласили на празднество, что планировалось провести вечером. Не согласиться Павел попросту не мог, да и вовсе не желал отказываться, недвусмысленные взгляды местных молодежи лишь укрепляли Пашино желание остаться.

«Нужно отдохнуть»: с этой мыслью Паша принял приглашение, аккуратно протиснулся сквозь собравшуюся толпу и вошел в трактир, чтобы предупредить Мигэля, что выдвинутся они никак не раньше, чем через день. Эльф отнесся к этой новости положительно, очевидно, ему было некуда торопиться, к тому же ему уже понравилось в людском обществе.

Уединившись в комнате, Паша решил пересчитать свои сбережения, в том числе и то, что удалось заработать за поход на кладбище. Стараниями старосты было собрано целых две золотых монеты в серебряном и бронзовом эквиваленте. Даже за вычетом церковной десятины

это было достойной оплатой, учитывая, что платили обыкновенные сельчане. К тому же Паша отделался всего лишь легким испугом, все-таки, основную часть мертвецов зарубили кавалеристы.

Вместе с уже нажитым, капитал составил чуть более шести золотых монет, и это радовало Павла. От трактирщика ему удалось узнать, что на севере их ждут кочевые племена, за землями которых и лежат разрозненные княжества, в которые стремился попасть Павел. И такие проблемы с кладбищами совсем не редкость в этих местах, Фемел считал, что это проделки языческих варваров и их богов.

– И давно это началось? – как бы невзначай спросил Паша.

– Уже несколько лет, – хозяин трактира задумчиво посмотрел на потолок, будто пытаясь вспомнить точную дату, – И ведь мы много воевали, никак эти нехристи не хотят подчиниться, будто они одержимы бесами.

– Это да, – протянул Паша в ответ, чтобы не выдать в себе «нехриста».

Гуляния в селении планировались не слишком масштабными, но приготовления к ним велись едва ли не с самого утра. Уже к восьми часам вечера разожгли костры и факелы, чтобы осветить дорогу, прорезающую селение насквозь. Здесь же, прямо около тракта, селяне накрыли столы, там же были организованы пляски, благо места хватало. К этому моменту Паша уже успел выпить, хоть и зарекался. Но отказать он был не в силах, местные жители любили вино, и этим вином, чуть разбавленным и кисловатым, они, во что бы то ни стало, решили напоить и Пашу. Каждый стремился попотчевать своего спасителя, и, выпивая всего по глотку из каждой чаши, Павел рисковал напиться в стельку еще в самом начале празднества.

В целом, толпа не очень-то походила на собрание истинных рабов божьих, что ни секунды не проводили без молитвы и божьего имени на устах. Они были обыкновенными людьми, которым не чуждо чревоугодие и прочие прелести свободной от предрассудков жизни. Вели они себя, быть может, даже несколько разнузданнее, чем такие же сельчане в Княжестве, впрочем, Пашу это не очень волновало, ему не хотелось сравнивать. По крайней мере, сейчас.

Он расслабился, отдавшись в руки веселью и воле судьбы. Одна из встречавших его с приглашением девушек уже мелькала рядом, будто стесняясь подойти первой. Сама обстановка располагала тому, чтобы Павел схватил ее, исполняя ее собственное желание. И он сделал это, благо в его крови было достаточно эликсира храбрости. Возле костров они надолго не задержались, похоть овладела обоими, и, казалось, белокурая незнакомка воделела Пашу даже больше, чем любая другая девушка, встреченная им на жизненном пути. Сверкая в темноте голубыми глазами, она вела Пашу за собой куда-то вглубь поселения.

Грешить пришлось, как и предполагал Павел, в каком-то сарае, где было заготовлено сено. Страсть охватила Пашу, сдержаться он бы не смог, даже если бы вдруг захотел этого. В тусклом свете луны, едва пробивающимся сквозь щели, тело, истекающей половой истомой, селянки выглядело особенно желанным. И Паша взял его. Взял так, будто в последний раз. И сколь бы ни был короток миг плотской любви, в нем Павел утопил всю горечь последних дней, все свои переживания и усталость. А потом он просто уснул, крепко прижимая к себе случайную незнакомку. Она так и осталась незнакомкой для него, но ей он отдал всю нежность, которую только мог себе позволить в данный момент. Ему было абсолютно безразлично, кто она и как ее зовут. Она являла собой образ. Той женщины, ради которой мужчины вершат свои подвиги, словно дети, надеясь на похвалу. И женщины потакают этому, то ли ради забавы, то ли из реальной нужды человечества. Как бы то ни было, но Паша получил награду за свой подвиг.

Наутро незнакомки рядом не оказалось. Двойственные ощущения терзали Пашу, ему было обидно, что она ушла, ничего не сказав, ничего не спросив. С другой стороны, ему так было проще, ведь он боялся этих вопросов, да и самому спросить было нечего. Но все же. Оставил не он, оставили его, хоть и не было никаких причин, как и обязательств, остаться.

Паша постарался быстро справиться с нахлынувшей меланхолией и оделся. Из экипировки он брал с собой только меч и тот мирно почивал рядом, слегка провалившись в мягкое сено.

«И это славно»: подумал Паша, беря в руки ножны. Похмелья не было, чему Павел тоже был рад, ведь это был редкий случай, чтобы подняв бокал, он не перебрал.

В трактире его ждал Мигэль, который самостоятельно вернулся из деревни. Как выяснилось, тоже утром. Он, в отличие от Паши, умудрился потерять свой короткий меч. Где и при каких обстоятельствах, эльф предпочел не говорить, отмалчиваясь на задаваемые Павлом вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.